

КРИСТОФЕР

ПРИСТ

ПРЕСТИЖ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Кристофер Прист

Престиж

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Аӕ)-44

Прист К.

Престиж / К. Прист — «Издательство АСТ»,
1995 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105202-7

Сюжет романа построен на остром соперничестве двух выдающихся иллюзионистов второй половины XIX века. Вражда, зародившаяся в ранней молодости, превращает их жизнь в бесконечное состязание. С годами желание одержать окончательную сокрушительную победу над соперником становится нестерпимым, а борьба приобретает такой накал, когда уже все средства хороши, и в ход идут кража чужих секретов, подсказки зрителям при исполнении номера, откровенный срыв представления. Но каждый по-прежнему остается виртуозом в своем деле и непрерывно совершенствует мастерство, изобретая все новые и новые изощренные трюки. И вот уже оба успешны, богаты и достигли небывалых высот в искусстве иллюзиона. Высот, за которыми проходит граница реальности. Но один из них готов пойти еще выше... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Аӕ)-44

ISBN 978-5-17-105202-7

© Прист К., 1995
© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Часть вторая	25
Глава 1	26
Глава 2	30
Глава 3	33
Глава 4	36
Глава 5	38
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кристофер Прист

Престиж

*Посвящается Элизабет и Саймону
Автор выражает признательность Литературному фонду за
оказанную помощь.*

*Благодарю также Джона Уэйда, Дэвида Лэнгфорда, Ли Кеннеди...
и участников интернет-форума alt.magic.*

Christopher Priest

THE PRESTIGE

© Christopher Priest, 1995

© Перевод. Е.С. Петрова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Предисловие к русскому изданию

Почти во всех моих книгах присутствует сознательное обращение к традиционным элементам фэнтези и научной фантастики, но они предстают в новом ракурсе. Например, тема романа «Гламур» – превращение человека в невидимку – имеет в научной фантастике давнюю традицию: она восходит к одному из первых произведений Г.-Дж. Уэллса, а то и к более ранним источникам. У самого Уэллса, а также у множества его последователей и эпигонов невидимость предстает как достижение науки: ученые якобы открывают некий способ медицинского воздействия, неизвестный доселе процесс, который делает человека невидимым.

Я же пишу о невидимости совершенно иного рода. Она не получает никакого научного «обоснования» и зависит только от читательского ощущения психологического реализма. Английское слово *science* («наука») происходит от латинского «*scientia*», что означает «знание». Знание носит всеобщий характер и не замыкается в стенах лаборатории; но все равно кое-кто утверждал, что «Гламур» вообще не имеет отношения к научной фантастике.

В романе «Престиж» традиционный научный элемент сводится к тому, что... нет, не стану раньше времени раскрывать карты, просто скажу, что эта линия возникает ближе к концу повествования. Повторяю: блюстители чистоты жанра не устают твердить, будто такой прием, вкупе с научной невозможностью (по их мнению) описанных событий, не позволяет отнести «Престиж» к жанру научно-фантастического романа.

Не спорю, в этом есть доля истины. На первый взгляд, да и при более близком знакомстве «Престиж» не укладывается в рамки научной фантастики, по крайней мере поначалу. Фантастичность нарастает исподволь – думаю (точнее, хочу верить), вы это почувствуете. В первой половине романа, пока действие разворачивается преимущественно в XIX веке, все загадки оказываются весьма прозрачными. А может, это только кажется, потому что в центре сюжета находится магия. Но не колдовская, а сценическая магия, престижизитация, ловкость рук, иллюзия. Сущность иллюзионного представления как раз и состоит в том, что оно производит впечатление чуда или фантастики, хотя имеет под собой совершенно реальную, земную основу. Именно этот контраст и завораживает зрителя, ибо противоречивые начала крепко-накрепко связаны тайной фокуса. Она известна только самому артисту (ну, возможно, еще ассистенту). Любой ценой он должен сохранить свою тайну – это его искусство, его хлеб.

Тайна будоражит умы непосвященных. Любопытство публики составляет неотъемлемую часть магического опыта. После представления зрители расходятся довольные, но недоуменно покачивают головами. «Как он это делает? – размышляют они про себя. – Сомнений нет: в шкафчике было пусто. Его ведь открыли настежь, да еще развернули, чтобы мы удостоверились! Где же пряталась эта девушка – ведь внутри просто не было места?! А может, было?»

Иллюзионисты не только создают тайну, возбуждая всеобщее любопытство; они становятся заложниками своего ремесла. Оно требует постоянных упражнений вдали от посторонних глаз и в конечном счете перерастает в наваждение. Иллюзионистов отличает невероятная скрытность в сочетании с неукротимой пытливостью.

В мире сценической магии любой новый иллюзион вызывает волну удивления, зависти и любопытства. В 1921 году фокусник П. Т. Селбит придумал номер, в котором девушку якобы распиливали пополам. За каких-то пару месяцев все уважающие себя иллюзионисты сообразили, как это делается (или придумали иные способы), и не преминули включить иллюзию Селбита в свои программы. В 50-е годы XX века англичанин Роберт Харбин создал номер, получивший название «женщина-зигзаг»: в нем использовался шкафчик, куда у всех на виду заходила девушка, а потом из него сверху донизу выдвигались в одну сторону деревянные ящики. Когда иллюзионист выдвигает средний ящик, голова и ноги девушки вроде бы остаются на месте, а туловище, как можно подумать, явно сдвигается куда-то в сторону, образуя

немыслимый зигзаг. Эта иллюзия не давала покоя другим фокусникам, и они бросились скупать тайное руководство, которое издал господин Харбин в помощь собратьям по профессии... заломив такую цену, чтобы жить припеваючи до конца своих дней.

Когда я писал «Престиж», американский иллюзионист Дэвид Копперфилд создал загадочный и эффектный номер, в котором он, как кажется из зала, кружит в воздухе над сценой и над головами зрителей, не пользуясь ни лонжей, ни иными приспособлениями. Все мои знакомые иллюзионисты, все, с кем я беседовал, собирая материал для романа, сходили с ума от любопытства. Объяснить увиденное было им не под силу: Дэвид Копперфилд научился летать, но ведь это всего лишь фокус! И все же, каким образом?..

Я на сто процентов уверен, что полеты Копперфилда – чистой воды иллюзия, что его номер – не более чем видимость и что объяснение будет прозаичным и обыденным, если не занудным. В чем же оно заключается? Не могу сказать – потому что не знаю.

И знать не хочу. Меня никогда не гложет любопытство. Видимо, потому я и выбрал своей профессией не магию, а литературу.

Итак, этот роман повествует о фокуснике, придумавшем и воплотившем блистательный номер, тайна которого охраняется так ревностно, что ее не могут разгадать даже собратья по магическому цеху. Вскоре любопытство конкурентов перерастает в испепеляющую страсть – и тайны множатся без конца...

Кристофер Прист
20 ноября 2002

Часть первая

Эндрю Уэсли

Глава 1

Все началось в поезде, следовавшем на север Англии, но вскоре мне стало ясно, что в действительности эта история тянется уже более ста лет.

Между тем в дороге мои мысли были заняты другим: я ехал в командировку, чтобы проверить полученное редакцией письмо о происшествии в какой-то религиозной секте. У меня на коленях лежала объемистая бандероль, доставленная с утренней почтой, но еще не распечатанная; когда пару дней назад отец позвонил, прежде чем отослать пакет, мне было не до того. Над ухом яростно хлопала дверь спальни: Зельда решила со мной расстаться и собирала вещи. «Хорошо, отец, – сказал я, глядя, как она проносится мимо с коробкой моих компакт-дисков. – Отправь по почте, я взгляну».

Купив у разносчика бутерброд и растворимый кофе в пластиковой чашке, я прочел утренний выпуск «Кроникл» и только после этого вскрыл присланную бандероль. В пакете оказалась внушительная книга в мягкой обложке, между страниц которой лежала записка, и отдельно – сложенный пополам использованный конверт. В записке было сказано:

Дорогой Энди, вот книга, о которой я говорил. Похоже, ее прислала именно та женщина, что мне звонила. Она выяснила, как тебя найти. Посылаю также конверт, в котором доставили книгу. Штемпель нечеткий, но разобрать можно. Мама ждет не дожидается, когда ты к нам заедешь. Может, в ближайшие выходные?

С любовью, папа

Я не сразу вспомнил подробности нашего телефонного разговора. Отец тогда сказал, что на мое имя пришел какой-то пакет, а затем предположил, что отправительницей движут родственные чувства, поскольку она завела речь о моей прежней семье. Жаль, что я невнимательно его слушал.

Так или иначе, книга все-таки попала ко мне. Она называлась «Тайны сценической магии», и написал ее некто Альфред Борден. Судя по всему, в ней содержались описания различных манипуляций, карточных фокусов, трюков с шелковыми платками и так далее. Единственное показалось мне любопытным: недавно вышедшая книга выглядела как факсимильное воспроизведение старинного издания, что подтверждали очертания шрифта, иллюстрации и колонтитулы, вкупе с тяжеловесным стилем.

Я так и не понял, что именно должно было меня заинтересовать в этой книге, разве что имя автора – Борден; под этой фамилией я появился на свет, но в раннем детстве меня усыновила другая семья, и с тех пор я ношу фамилию приемных родителей. Теперь меня зовут Эндрю Уэсли – это мое официальное имя. Хотя из моего усыновления никто не делал тайны, я всегда считал Дункана и Джиллиан Уэсли своими настоящими родителями, относился к ним с любовью и вел себя как их сын. В наших отношениях и по сей день ничего не изменилось. К своим биологическим родителям я не питаю ровным счетом никаких чувств. Мне безразлично, что это были за люди и почему они от меня отказались; даже став взрослым, я не испытываю ни малейшего желания наводить о них справки. Что было, то прошло; они для меня ничего не значат.

Правда, с моим прошлым связан один вопрос, который грозит превратиться в навязчивую идею.

Я уверен – точнее говоря, почти уверен, – что у меня был брат-близнец, с которым нас разлучили при усыновлении. Не могу представить, какие на то были причины и куда судьба могла занести моего брата, но меня не покидает уверенность, что его усыновили одновременно со мной. Мысль о его существовании зародилась у меня лет в двенадцать-тринадцать. Как-

то мне попалась книжка – кстати, приключенческая, – в которой говорилось, что близнецов нередко соединяет необъяснимая и явно мистическая связь. Даже если такие близнецы живут за сотни миль друг от друга или в разных странах, они разделяют ощущения боли, удивления, счастья, подавленности. Когда я это прочел, меня словно озарило.

Сколько я себя помню, меня не покидает смутное чувство, будто моя жизнь принадлежит не только мне. В детстве я не придавал этому особого значения и считал, в силу ограниченности своего житейского опыта, что так бывает у всех. Позднее, убедившись, что никому из моих приятелей такое не свойственно, я стал мучиться этой загадкой. Но книжка облегчила мое существование: казалось, все встало на свои места. Где-то у меня есть брат-близнец.

Наше с ним чувство единения определить довольно трудно – вроде бы ты кому-то небезразличен, даже ощущаешь на себе чей-то взгляд, – но иногда оно становится более отчетливым. В общем и целом, это некий постоянный фон, сквозь который лишь изредка проникают вполне различимые «послания», внятные и точные, хотя и не облеченные в словесную форму.

Время от времени – например, когда случается выпить лишнего, – я осознаю, как во мне зреет беспокойство моего брата, страх, что со мной случится какая-нибудь неприятность. Однажды я допоздна задержался в гостях и уже собирался сесть за руль, чтобы ехать домой, но тут меня обожгла вспышка тревоги, настолько сильная, что хмель как рукой сняло! Когда я попытался рассказать об этом приятелям, оказавшимся рядом, они только посмеялись. Тем не менее в ту ночь я ехал домой необъяснимо трезвым.

В свою очередь и мне доводилось тревожиться и переживать за брата-близнеца, а то и улавливать надвигающуюся опасность, и я «посылал» ему ободрение, сочувствие, уверенность. Я использую этот парапсихологический механизм, совершенно его не понимая. Насколько мне известно, он еще не получил удовлетворительного объяснения, хотя такие случаи не единичны и достоверно зафиксированы.

Однако мой случай представляется особенно загадочным.

Ни разу в жизни мне не удавалось напасть на след родного брата: если верить документам, у меня вообще не было братьев – что уж говорить о близнецах. Попав к приемным родителям в возрасте трех лет, я все же сохранил отрывочные воспоминания о прежней жизни – но не могу припомнить, чтобы у меня был брат. Отец с матерью ничего не знают; они говорят, что при усыновлении даже и речи не заходило ни о каких братьях.

У приемного ребенка есть определенные права. Главное из них – защита от биологических родителей: им запрещены любые официальные контакты с сыном или дочерью. Другое положение гласит, что по достижении совершеннолетия человек может ознакомиться с некоторыми обстоятельствами своего усыновления. К примеру, он вправе узнать имена своих биологических родителей, а также местонахождение суда, где было вынесено решение об усыновлении и сделаны соответствующие записи; ему не возбраняется их изучить.

Всеми этими правами я и воспользовался по достижении восемнадцати лет. Мне не терпелось отыскать сведения о брате. Из агентства по усыновлению меня направили в суд графства Илинг, где хранились документы, и я узнал, что в приемную семью меня отдавал отец, которого звали Клайв Александр Борден. Моя мать, Диана Рут Борден (в девичестве Эллингтон), умерла вскоре после моего рождения. Сперва я подумал, что из-за этого от меня и отказались, но выходило, что между ее кончиной и моим усыновлением прошло более двух лет и в течение этого срока отец растил меня в одиночку. При рождении мне было дано имя Николас Джулиус Борден. В документах ни слова не говорилось о другом ребенке – усыновленном или каком-то еще.

Впоследствии я ознакомился с актами регистрации рождений в архиве лондонской больницы Св. Екатерины, но в них утверждалось, что у четы Борденов других детей не было.

Однако, несмотря ни на что, моя духовная связь с братом-близнецом не прервалась и существует по сей день.

* * *

Книга, выпущенная американским издательством «Доувер пабליкейшнз», была оформлена броско и со знанием дела. На мягкой глянцевой обложке красовался фокусник в смокинге, выразительно протягивающий руки к деревянному ящику, из которого, сверкая ослепительной улыбкой, выходила юная девушка; ее сценический костюм по тем временам считался, надо думать, весьма откровенным. Строчкой ниже имени автора было написано: «Под общей редакцией и с комментариями лорда Колдердейла». По нижнему краю обложки шла четкая, выразительная надпись крупными белыми буквами: «Знаменитое собрание секретов, защищенных клятвой». Текст на задней стороне обложки был гораздо содержательнее:

Эта книга, первоначально опубликованная в Лондоне в 1905 г. чрезвычайно малым тиражом, распространялась исключительно среди профессиональных фокусников, которые соглашались принести клятву о неразглашении ее содержания. Экземпляры первого издания, ставшие библиографической редкостью, сегодня практически недоступны широкому читателю.

Текст данной книги, впервые выходящей массовым тиражом, воспроизводится без сокращений и сопровождается всеми оригинальными иллюстрациями. Книга снабжена комментарием и примечаниями графа Колдердейла, известного в свое время знатока сценической магии.

Автор книги, Альфред Борден, прославился как изобретатель легендарного трюка «Новая транспортировка человека». Он выступал под псевдонимом *Le Professeur de la Magie*¹ и был ведущим иллюзионистом начала XX века. На заре своей сценической карьеры Борден снискал похвалу Джона Генри Андерсона и благосклонность Невила Маскелайна; его современниками были Гудини, Дэвид Девант, Чун Лин-Су и Бюатье де Кольта. Он жил в Лондоне, но часто гастролировал в Соединенных Штатах и Европе.

В строгом смысле слова его книгу нельзя считать учебным пособием, однако содержащиеся в ней обширные сведения о приемах сценических фокусов привлекут как любителей, так и профессионалов – всех, кому интересен опыт выдающегося мастера иллюзионного жанра.

Забавно, что среди моих предков оказался иллюзионист, только мне от этого было ни жарко, ни холодно. Фокусы, в особенности карточные, да и многие другие, навевают на меня тоску. По телевидению нередко показывают грандиозные шоу, но меня никогда не тянуло узнать, как достигаются все эти эффекты. Помню, кто-то при мне высказал такую мысль: чем ревностнее охраняет фокусник свои секреты, тем тривиальнее оказывается их сущность.

В книгу Альфреда Бордена входила пространный глава о карточных фокусах; в другой главе, такой же затянутой, говорилось о фокусах с папиросами и монетами. Все это сопровождалось инструкциями и пояснительными схемами. Последняя глава посвящалась сценическим трюкам; на многочисленных рисунках были изображены кабинеты с потайными отсеками, ящики с двойным дном, столы с подъемным механизмом, спрятанным за кулисами, и прочий реквизит. Я бегло пролистал несколько десятков страниц.

В первой половине книги иллюстраций не было вообще: там излагались подробности жизни автора и общие сведения о жанре иллюзии. Эта часть начиналась так:

Начато в 1901 году.

¹ Профессор магии (*фр.*).

Мое имя – мое настоящее имя – Альфред Борден. История моей жизни – это история тайн, на которых зиждется моя жизнь. На этих страницах они будут описаны в первый и последний раз; другой рукописи не существует.

Я появился на свет восьмого дня мая месяца 1856 года в приморском городе Гастингсе, рос крепышом и непоседой. Отец мой был известным на всю округу бондарем и колесных дел мастером. Наш дом...

На мгновение я вообразил, как автор этой книги садится писать мемуары. Почему-то мне виделся темноволосый не улыбающийся бородач, который, слегка ссутулившись и нацепив на нос узкие очки, зажигает у локтя яркую настольную лампу. Все домашние удаляются в благоговейном молчании, чтобы хозяин мог без помех взяться за перо. Скорее всего, эта картина не имела ничего общего с действительностью, но перечеркнуть наши стереотипные представления о предках довольно трудно.

Потом я задумался о степени нашего родства. Если я прямой потомок Альфреда Бордена, то он, вероятно, приходился мне прадедом, а то и прапрадедом. Учитывая, что он родился в 1856 году, во время написания этой книги ему было лет сорок пять; стало быть, моему отцу он едва ли приходился отцом – вероятно, их разделяло не одно поколение.

Предисловие было написано практически в том же духе, что и авторский текст; оно изобиловало длинными экскурсами в историю создания книги. Как выяснилось, в основе повествования лежали дневниковые записи Бордена, не предназначавшиеся для публикации. Колдердейл существенно расширил эти заметки, добавил разъяснения непонятных мест и ввел описания большинства трюков. Дополнительных сведений о жизни Бордена в предисловии не оказалось, но я рассчитывал найти их в тексте книги.

Впрочем, вряд ли из этого опуса можно было почерпнуть сведения о моем брате. А никто другой из кровных родственников меня не интересовал.

Эти размышления очень скоро были прерваны писком моего мобильного телефона. Я ответил почти мгновенно, чтобы не раздражать других пассажиров. Звонила Соня, секретарша моего редактора. Не иначе как сам Лен Уикем и велел ей набрать номер – удостовериться, что я уже в дороге.

– Энди, с машиной планы поменялись, – проворковала Соня. – Тормоза отказали. Эрик Ламберт отогнал ее в автосервис.

Она продиктовала мне адрес станции техобслуживания. Понадеявшись на этот рыдван – выдавший виды «форд», вечно требующий ремонта, – я не поехал в Шеффилд на своем собственном автомобиле. Лен ни за что не утвердил бы мои расходы при наличии служебной машины.

– Больше Дядюшка ничего не хочет мне передать?

– Например?

– Отбоя тревоги не было?

– Нет.

– А что говорят правоохранительные органы?

– Пришел факс из тюрьмы штата Калифорния. Франклин как сидел, так и сидит.

– Ясно.

Мы закончили разговор. Я тут же набрал номер родителей и поговорил с отцом. Сказал, что направляюсь в Шеффилд, оттуда поеду в Скалистый край и могу, если они не против (конечно же, они не против), завернуть к ним переночевать. Отец обрадовался. Они с Джиллиан по-прежнему обитали в Уилмслоу, в графстве Чешир, а я теперь работал в Лондоне и выбирался к ним довольно редко.

Я сказал, что получил переправленную им бандероль.

– Как по-твоему, зачем тебе прислали эту книжку? – спросил отец.

- Понятия не имею.
- Читать-то ее собираешься?
- Чтиво, откровенно говоря, не в моем вкусе. Ну, полистаю как-нибудь на досуге.
- Мне бросилась в глаза фамилия автора: Борден.
- Мне тоже. Та женщина что-нибудь об этом говорила?
- Вроде бы нет.

Когда мы распрощались, я положил книгу поверх кейса, лежавшего у меня на коленях, и стал разглядывать проплывающую за окном местность. Небо заволочило свинцовыми тучами, по стеклу барабанил дождь. Мне требовалось сосредоточиться на деле, из-за которого я и отправился в эту командировку. В газете «Кроникл» я числился литературным сотрудником отдела новостей, но такое громкое название должности равным счетом ничего не значило. Дело в том, что мой отец тоже был журналистом и в свое время состоял в штате манчестерской «Ивнинг пост», принадлежавшей тому же конгломерату, что и «Кроникл». Он гордился, что его сына взяли на работу в Лондоне, хотя, как я подозреваю, здесь не обошлось без его личных связей. Не могу сказать, что у меня бойкое перо, да и за время стажировки я никак себя не проявил. Меня давно гнетет мысль о том, что в один прекрасный день придется объяснять отцу, почему я оставил престижное, по его понятиям, место в редакции одной из крупнейших британских газет.

Но пока я тяну свою лямку. Нынешняя поездка стала, можно сказать, следствием материала, написанного мною пару месяцев назад, – о группе энтузиастов-уфологов. С тех пор редактор Лен Уикем, под началом которого я работаю, поручает мне освещать шабаши ведьм, случаи левитации, самовозгорания, возникновения выдавленных кругов среди посевов и прочие паранормальные явления. При ближайшем рассмотрении, как я убедился, такие эпизоды не стоят выеденного яйца, и мои материалы в большинстве своем так и не попадали на газетную полосу. Тем не менее Уикем раз за разом отправляет меня в командировки для выяснения подобных обстоятельств.

Впрочем, на этот раз дело обстояло не совсем так, как обычно. Уикем с тайным злорадством сообщил, что ему звонили представители секты, которые спрашивали, собирается ли «Кроникл» освещать недавнее происшествие, а услышав положительный ответ, настояли, чтобы это задание было поручено мне и только мне. Они читали мои предыдущие материалы и нашли, что в них присутствует необходимая доля здорового скептицизма, а это давало им повод надеяться на объективное изложение фактов. Несмотря на это – или вследствие этого, – история на поверку грозила обернуться очередной пустышкой.

Итак, в большом загородном особняке где-то в Дербишире обосновалась калифорнийская секта, называющая себя «Церковь ликования во имя Христа Иисуса». С неделю назад одна из прихожанок умерла естественной смертью, что засвидетельствовали лечащий врач и дочка покойной. Перед самой ее кончиной, когда она лежала без движения, в комнате появился неизвестный. Он встал у кровати и начал делать успокоительные пассы. Как только больная отошла в мир иной, незнакомец исчез, не сказав ни слова. Больше его не видели. Однако дочь покойницы и еще двое прихожан, которые зашли в комнату, когда он стоял у постели, опознали в нем основателя секты, священника по имени Патрик Франклин. Ему удалось привлечь в секту немало людей, поскольку он якобы обладал способностью к биллокации, то есть мог находиться сразу в двух местах.

Происшествие заслуживало внимания по двум причинам. Во-первых, это был единственный случай, когда биллокацию Франклина подтвердили лица, не входящие в его секту, причем среди этих свидетелей оказалась весьма образованная дама, известная в округе. Во-вторых, местонахождение Франклина в тот знаменательный день можно было установить с полной достоверностью: он отбывал срок в тюрьме штата Калифорния и, как только что сообщила мне на трубку Соня, не покидал пределов своей камеры.

Глава 2

Секта обосновалась на границе Скалистого края, в деревне Колдлоу, которая некогда процветала благодаря добыче сланца, а теперь жила только за счет экскурсантов. В центре деревни находились местные достопримечательности – старинная лавка, взятая под охрану государства, клуб конного туризма, несколько сувенирных магазинчиков и гостиница. Моросший осенний дождь не позволил мне разглядеть горные хребты, обступившие долину.

Я задержался в деревне, чтобы выпить чашку чаю и, если повезет, разузнать у кого-нибудь из местных жителей про «Церковь ликования», но в кафе не было ни души, а буфетчица, как оказалось, приезжала сюда на работу из Честерфилда.

Пока я сидел за столиком и раздумывал, не заказать ли чего-нибудь посытнее, мой брат неожиданно установил со мной контакт. Я ощутил это столь явственно, столь отчетливо, что даже обернулся, словно на чей-то зов. Потом, опустив голову и прикрыв глаза, стал прислушиваться.

Ни слова. Ни знака. Не на что ответить, нечего записать или хотя бы облечь в слова. Только какое-то предчувствие, восторг, радостное волнение, прилив сил.

Я попытался спросить: что это значит? Почему ты так радуешься моему приезду? К чему меня подталкиваешь? Не связано ли это с общиной сектантов?

Прекрасно зная, что такие контакты не перерастают в диалог и вопросы всегда остаются без ответа, я все же решил подождать, не придет ли от него еще какой-нибудь сигнал. Всеми мыслями я устремился к нему, предполагая, что он хочет вызвать меня на связь и что-то услышать, – но в этом смысле попытка не удалась.

Видимо, у меня на лице отразилось смятение, потому что буфетчица уставилась на меня с нескрываемым любопытством. Мне ничего не оставалось, как торопливо допить чай, с вежливой улыбкой отнести чашку с блюдцем на стойку и удалиться. Сев за руль и захлопнув дверцу автомобиля, я получил еще одно сообщение от брата. Оно ничем не отличалось от первого – настойчивый зов: приезжай, будь со мной. Как и прежде, выразить это словами я не мог.

* * *

Чтобы попасть к «Церкви ликования», нужно было свернуть с главной дороги и ехать в гору. Путь преграждали кованые чугунные ворота; по одну сторону от них виднелась сторожевая будка, а по другую – калитка с надписью «Вход воспрещен». Между двумя входами было достаточно места, чтобы припарковать машину. Я подошел к сторожке, остановился у крыльца и увидел вполне современную кнопку звонка, а под ней объявление, напечатанное на лазерном принтере:

*Церковь ликования во имя Христа Иисуса
Добро пожаловать
Прием по предварительной записи
Запись по телефону: Колдлоу 393960
Торговых представителей и др.
просим давать 2 звонка
Иисус вас любит*

Я дважды нажал на кнопку, но ничего не услышал.

На полуоткрытом стенде стояли какие-то брошюры, а под ними – запертый металлический ящичек с прорезью для монет, крепко-накрепко привинченный к стене. Взяв одну из бро-

шюр, я опустил в щель пятьдесят пенсов, вернулся к машине и, опершись на крыло, приступил к чтению. На первой странице излагалась краткая история секты, сопровождаемая портретом отца Франклина. Остальные три страницы занимали библейские цитаты.

Когда я в очередной раз бросил взгляд на ворота, их створки бесшумно ползли в стороны, подчиняясь дистанционному управлению; сев за руль, я повел машину по крутой гравиевой дорожке, которая опоясывала холм с округлым, слегка выпуклым газоном на склоне. Редко посаженные декоративные деревья и кустарники уныло опустили ветви в туманной завесе дождя. С нижней стороны дорожки темнели густые купы рододендронов. Посмотрев в зеркало заднего вида, я успел заметить, что ворота уже закрылись. Вскоре показалось главное здание – огромная несуразная постройка в несколько этажей с черной шиферной кровлей и массивными стенами из угрюмо-темного кирпича и камня. В узких, вытянутых окнах смутно отражалось свинцовое небо. Меня пробрал зловещий холод, но, достигнув стоянки, устроенной в конце подъездного пути, я нутром ощутил присутствие брата: он настаивал, чтобы я двигался дальше.

По стрелке-указателю «Вход для посетителей» я ступил на грунтовую дорожку и двинулся вдоль здания, где мне пришлось уворачиваться от капель, падающих с веток дикого винограда, густо увившего главный фасад. Толкнув какую-то дверь, я вошел в узкий, пропахший пылью и старой древесиной коридор, сразу напомнивший мне о школе, где я учился. В этом здании витал тот же дух казенного учреждения, но, в отличие от школы, здесь царила полная тишина.

У таблички «Приемная» я остановился и постучал. Не получив ответа, просунул голову в дверь комнаты, но там никого не оказалось. Мое внимание привлекли два допотопных металлических стола, на одном из которых робко примостился компьютер.

Заслышав шаги, я ретировался в коридор и вскоре увидел на верхней площадке лестницы сухопарую даму средних лет, которая несла под мышкой несколько канцелярских папок. Ее каблуки стучали по голым деревянным ступеням. При виде меня она изобразила удивление.

– Я ищу миссис Холлоуэй, – сказал я. – Наверно, это вы и есть?

– Да, это я. Чем обязана?

Вопреки ожиданиям, я не услышал в ее речи американского акцента.

– Разрешите представиться: Эндрю Уэсли, газета «Кроникл». – Мое журналистское удостоверение не вызвало ни малейшего интереса. – Не могли бы вы ответить на несколько вопросов касательно отца Франклина?

– Отец Франклин сейчас в Калифорнии.

– Я понимаю, но на прошлой неделе произошел случай...

– Какой именно? – перебила миссис Холлоуэй.

– Насколько я понимаю, отца Франклина видели здесь.

Загораживая спиной дверь в свой кабинет, она медленно покачала головой.

– Полагаю, это какая-то ошибка, мистер Уэсли.

– А вы сами видели отца Франклина, когда он тут появился? – спросил я.

– Нет, не видела. Потому что его здесь не было. – Она явно хотела от меня избавиться, чего я никак не ожидал. – Вы обращались в нашу пресс-службу?

– Это здесь же?

– Это в Лондоне – там наш офис. По поводу интервью – пожалуйста, в пресс-службу.

– Но мне сказали явиться прямо сюда.

– Кто именно? Наш пресс-секретарь?

– Нет... Насколько я понимаю, просьба поступила в редакцию «Кроникл» после явления отца Франклина. Значит, вы отрицаете этот факт?

– Отрицаю ли я факт обращения в вашу газету? Никакой просьбы от нас не поступало. Если же вас интересует явление отца Франклина, этот факт я также отрицаю.

Мы в упор смотрели друг на друга. Я испытывал двойственное чувство: злость на нее и досаду на себя. Когда у меня что-то не получается, я виню в этом только себя самого – за неопытность и робость. Ни один из наших журналистов, наверно, не спасовал бы перед конторской крысой вроде миссис Холлоуэй.

– Нельзя ли позвать кого-нибудь из начальства? – сделал я очередную попытку.

– Главный администратор здесь я. Все остальные – преподавательский состав.

Теряя последнюю надежду, я спросил:

– Неужели мое имя вам ничего не говорит?

– Почему оно должно мне что-то говорить?

– Да потому, что оно фигурирует в обращении в редакцию.

– Возможно, обращение направили из пресс-службы; мы к этому отношения не имели.

– Одну минутку, – сказал я.

Материалы, накануне полученные мною от Уикема, остались в машине. Когда я вернулся, неся их с собой, миссис Холлоуэй стояла у лестницы в той же позе, только успела избавиться от канцелярских папок.

Подойдя к ней, я развернул листок с сообщением, которое Уикем получил по факсу. В нем говорилось:

Мистеру Уикему, редактору отдела новостей газеты «Кроникл»

В ответ на ваш запрос сообщаем следующее. «Церковь ликования во имя Христа Иисуса». Деревня Колдлоу, графство Дербшир. Полмили к северу от дер. Колдлоу по шоссе А-623. Место для стоянки автотранспорта – у главных ворот или на территории. Администратор, миссис Холлоуэй, сообщит необходимые сведения вашему сотруднику Эндрю Уэстли.

К. Энджер

– К нам это не имеет никакого отношения, – процедила миссис Холлоуэй. – Так что извините.

– А кто это – К. Энджер? – спросил я. – Мужчина? Женщина?

– Она занимает восточный флигель, но никак не связана с церковью. Благодарю за посещение.

Ее пальцы легли на мой локоть и вежливо направили меня к выходу. Она объяснила, что в конце грунтовой дорожки, огибающей здание, будет калитка, а за ней – вход в восточное крыло.

– Извините за недоразумение, – произнес я. – Не понимаю, как такое могло случиться.

– Если вам понадобится дополнительная информация о церкви, советую обращаться в нашу пресс-службу. Она для того и существует.

– Разумеется. – Дождь усилился, а я был без плаща. – Позвольте задать вам самый последний вопрос. Сейчас в доме есть кто-нибудь, кроме вас?

– Да, у нас все в сборе. На этой неделе здесь обучаются более двухсот человек.

– А кажется, будто здание пустует.

– Мы ликуем молча. При свете дня только мне одной дозволено разговаривать. Всего наилучшего.

Она скользнула через порог и плотно закрыла дверь.

* * *

Когда стало ясно, что сенсация, за которой меня командировали, не состоится, я решил сообщить об этом редактору. Остановившись под мокрыми плетями дикого винограда и наблю-

дая, как ветер гонит по долине непроглядную пелену дождя, я с тягостным чувством набрал прямой номер Лена Уикема. Он ответил не сразу. Я рассказал ему о неувязке.

– А того, кто нам писал, ты нашел? – спросил Лен. – Некого Энджера?

– Как раз стою под дверью, – ответил я и объяснил, какой тут расклад. – Здесь, похоже, ловить нечего. Думаю, это просто склока между соседями. Сам понимаешь: то одно им не так, то другое.

«Вот только на шум не жалуются», – добавил я про себя.

Повисла тяжелая пауза.

Наконец Лен Уикем сказал:

– Сходи к этой Энджер и, если что-нибудь откопаешь, перезвони. А если нет – сразу возвращайся, и чтобы вечером был в Лондоне.

– Но сегодня пятница, – возразил я. – Я собирался проведать родителей.

В ответ Уикем бросил трубку.

Глава 3

У главного входа во флигель меня встретила женщина преклонных лет, к которой я обратился «миссис Энджер»; она только спросила мое имя, внимательно изучила редакционное удостоверение, провела меня в ближайшую комнату. В этих апартаментах, обставленных просто, но привлекательно – индийские ковры, старомодные стулья и полированный стол, – я почувствовал себя как бродяга: мой костюм изрядно помялся в дороге, а потом еще и промок. Минут через пять женщина вернулась и произнесла фразу, от которой я похолодел:

– Леди² Кэтрин готова вас принять.

Последовав за ней на второй этаж, я оказался в просторной, уютной гостиной с видом на долину и островерхие скалы, которые сейчас едва угадывались за пеленой дождя.

У камина, где полыхали и дымились поленья, стояла, протягивая мне руку, молодая женщина. Известие о том, что хозяйка дома принадлежит к аристократическому роду, застало меня врасплох, но она держалась без тени высокомерия. Меня приятно поразила ее внешность: высокий рост, широкие скулы, волевой подбородок. Темные волосы, уложенные с таким расчетом, чтобы смягчить резковатые черты лица. Широко раскрытые глаза. Выражение нервической сосредоточенности – словно она беспокоилась, как бы я не сказал или не подумал чего-нибудь неподобающего.

Ее приветствие прозвучало суховато, но стоило прислуге оставить нас одних, как манеры хозяйки переменились. Она представилась мне как Кейт Энджер, а не леди Кэтрин, и попросила обходиться без титула, о котором, по ее словам, вспоминала редко. Ей хотелось удостовериться, что меня в самом деле зовут Эндрю Уэсли. Я это подтвердил.

– Наверно, вы побывали в главном здании?

– В «Церкви ликования»? Дальше двери меня не пустили.

– Боюсь, это моя вина. Я предупредила о вашем возможном приезде, но миссис Холлоуэй не выказала особой радости.

– Значит, это вы прислали письмо в нашу газету?

– Мне нужно было с вами встретиться.

– Я так и понял. Но откуда вам обо мне известно?

– Непременно расскажу. Только я еще не обедала. А вы?

Я признался, что сделал остановку в деревне, но вообще-то с утра ничего не ел. Мы спустились на первый этаж, где хлопотала экономка – леди Кэтрин называла ее миссис Мэйкин; она готовила незамысловатый ланч – ломтики холодного мяса, сыр и салат. Когда мы сели за стол, я спросил Кейт Энджер, зачем ей понадобилось вызывать меня из Лондона в такую даль, да еще под надуманным предлогом.

– По-моему, предлог не надуманный, – ответила она.

– Мне нужно за сегодняшний вечер подготовить репортаж.

– Ну, это будет затруднительно. Вы едите мясо, мистер Уэсли?

Она передала мне тарелку с ломтиками говядины. За едой мы поддерживали вежливую беседу, Кейт задавала вопросы о газете, о моей карьере, о том, где я живу, и так далее. Меня все еще немного отпугивал ее титул, он создавал между нами невидимую преграду, но чем дальше, тем непринужденнее становилось наше общение. В ее поведении сквозила настороженность, почти нервозность, и, слушая меня, она то и дело отводила глаза и оглядывалась. Я решил, что это не признак отсутствия интереса, а просто свойство ее натуры. У нее, например, дрожали руки, когда она брала что-нибудь со стола. Выждав немного для приличия, я попросил ее рассказать о себе, и она поведала, что этот дом принадлежит их роду более трех

² Леди – зд. титулование дочери пэра.

столетий. Почти вся долина входит в состав поместья, а земля сдается в аренду фермерам. Ее отец носит графский титул, но обосновался за пределами Англии. Мать умерла, из близкой родни осталась только старшая сестра, которая с мужем и детьми проживает в Бристоле.

Вплоть до Второй мировой войны в доме держали немногочисленную прислугу и сохраняли семейный уклад. Потом министерство обороны реквизировало большую часть комнат и разместило в них региональный штаб транспортного управления Королевских военно-воздушных сил. Тогда-то семья и переместилась в восточный флигель, который так или иначе всегда был самой любимой частью дома. После войны Королевские ВВС отбыли восвояси, и освободившиеся помещения занял Совет графства Дербишир. Что же касается нынешних арендаторов (как называла их Кейт), то они вселились сюда в 1980 году. Поначалу ее родители были обеспокоены соседством американской религиозной секты – о сектантах чего только не говорят, – но семья нуждалась в средствах, да и устроилось все наилучшим образом. Занятия в церкви проходили без всякого шума, сектанты оказались людьми вежливыми и приятными в общении, так что в последнее время ни Кейт, ни жители деревни не задумывались о том, чего можно ожидать – или опасаться – от новых соседей.

Мы закончили ланч, и миссис Мэйкин подала кофе. Тут я решился:

– Значит, билокация священника, ради которой я сюда приехал, – не более чем выдумка?

– И да и нет. Служители этого культа не скрывают, что в основе их учения лежат слова духовного лидера. Отец Франклин – стигматик, к тому же считается, что у него есть способность к билокации, но этого ни разу не подтвердили сторонние наблюдатели – во всяком случае, в контролируемых условиях.

– И все-таки: это выдумка или нет?

– Даже не знаю. Свидетельницей последнего эпизода стала одна женщина, местный врач, которая зачем-то дала интервью дешевой газетенке, и журналисты раздули целую историю. Я узнала об этом буквально на днях, когда ходила в деревню. Не понимаю, как можно этому верить, ведь глава секты отбывает срок заключения в Америке, верно?

– Но если такой случай действительно имел место, это тем более любопытно.

– Это скорее подозрительно. Ну, например, откуда доктору Эллис известно, как выглядит священник? Выходит, она поверила на слово одной из сектанток.

– Но из вашего письма следовало, что это чистая правда.

– Я же сказала: мне важно было встретиться с вами. А то, что он питает страсть к билокации, – грех не воспользоваться таким совпадением.

Она рассмеялась – так обычно смеются, когда ожидают, что собеседник оценит удачную шутку. Я понятия не имел, к чему она клонит.

– Разве нельзя было просто позвонить в редакцию? – спросил я. – Или написать мне лично?

– Почему же нельзя?.. Просто у меня не было уверенности, что вы – тот, кто мне нужен. Для начала требовалось с вами познакомиться.

– Не могу понять, почему вы связали мою персону с каким-то религиозным фанатиком, а тем более – склонным к билокации?

– Так уж совпало. Ну, понимаете, эта полемика о природе магии и прочее. – Она выжидающе смотрела мне в лицо.

– По-моему, вы меня с кем-то перепутали.

– Нет. Вы сын Клайва Бордена. Верно?

Она старалась не отводить взгляда, но ее глаза, словно повинувшись неодолимой силе, опять стрельнули в сторону. Из-за того что она ерзала и уходила от прямых ответов, между нами возникло напряжение – ничем другим, казалось бы, не обусловленное. На столе все еще стояли тарелки с остатками холодных закусок.

– Человек по имени Клайв Борден был моим биологическим отцом, – подтвердил я. – Но в возрасте трех лет меня усыновила другая семья.

– Так. Значит, я была права. Мы с вами уже встречались – давным-давно, в раннем детстве. В то время вас называли Ники.

– Не помню, – бросил я. – Видимо, был слишком мал. Где же мы встречались?

– Здесь, в этом самом доме. Вы действительно ничего не помните?

– Нет.

– Может, у вас от тех времен сохранились какие-нибудь другие воспоминания?

– Только обрывочные. Но этот дом я совершенно не помню. Хотя он способен поразить детское воображение, правда?

– Безусловно. Вы не первый это говорите. Моя сестра – она терпеть не может этот дом – только и ждала случая отсюда уехать. – Отвернувшись, Кейт взяла с подставки небольшой колокольчик и дважды позвонила. – На десерт люблю что-нибудь согревающее. Составите мне компанию?

– С удовольствием.

Вскоре на пороге появилась миссис Мэйкин, и леди Кэтрин поднялась из-за стола.

– Мы с мистером Уэтли перейдем в гостиную, миссис Мэйкин.

Шагая по широким ступеням, я испытал внезапное желание сбежать, унести ноги из этого дома. Его хозяйка знала обо мне больше, чем я сам, причем именно о том времени, которое я вовсе не жаждал восстанавливать в памяти. По-видимому, настал тот день, когда мне суждено было вновь превратиться в Бордена, хочу я этого или нет. Сначала его книга, а теперь и это. Все было как-то взаимосвязано, но интриги, которые плела Кейт, меня не касались. Какое мне дело до человека, который меня бросил, и до всей его родни?

Мы вернулись в ту комнату, где я впервые увидел Кейт, и она решительно закрыла за нами дверь. Можно было подумать, она угадала мое желание уехать и хотела удержать меня как можно дольше. На низком столике между креслами и длинным канапе красовался серебряный поднос, а на нем – несколько бутылок, стаканы и ведро со льдом. Один стакан был наполнен какой-то янтарной смесью – не иначе как ее приготовила миссис Мэйкин. Кейт жестом пригласила меня садиться и спросила:

– Что вы будете пить?

По правде говоря, я бы предпочел пиво, но на подносе стояли только крепкие напитки.

– То же, что и вы, – ответил я.

– Это американское виски с содовой. Не возражаете?

Я не возражал, и она у меня на глазах смешала такую же порцию.

Потом Кейт устроилась на диване-канапе, поджав под себя ноги, и разом опрокинула в себя полстакана.

– Сколько у вас есть времени? – спросила она.

– Наверно, как раз успею допить виски.

– Мне нужно с вами побеседовать. И задать множество вопросов.

– С чем это связано?

– С событиями нашего детства.

– Боюсь, от меня будет мало толку, – сказал я.

Теперь она почти успокоилась, и я смог оценить ее внешность более объективно: не лишенная привлекательности женщина, примерно моего возраста. Судя по всему, она знала толк в спиртных напитках и пить умела. Уже одно это примиряло меня с действительностью – по выходным я и сам частенько выпивал с приятелями. Однако под ее взглядом мне по-прежнему было не по себе: она то сверлила меня глазами, то косилась в сторону, и от этого создавалось впечатление, будто у меня за спиной, вне поля зрения, расхаживает кто-то неведомый.

– Короткий ответ на простой вопрос может сберечь уйму времени, – изрекла она.

– Согласен.

– У вас есть брат-близнец? Или когда-то был, но умер в раннем детстве?

От неожиданности я вздрогнул и пролил виски на брюки. Пришлось поставить стакан на стол и промокнуть жидкость салфеткой.

– Почему вы спрашиваете? – вырвалось у меня.

– Так есть? Или был?

– Толком не знаю. Думаю, что был, но не могу напасть на его след. В том смысле, что... Короче, я не уверен.

– Пожалуй, такой ответ я и ожидала услышать, – произнесла Кейт. – Хотя надеялась на другой.

* * *

– Если речь идет о семействе Борденов, – сказал я, – должен сразу предупредить: мне ничего не известно. Понимаете?

– Понимаю. Но ведь вы – один из них.

– *Был* одним из них; для меня это имя – пустой звук. – Передо мной вдруг промелькнула история ее семьи, уходящая на три столетия назад непрерывной чередой поколений: общая фамилия, общий дом, общее прошлое. А моя собственная семейная история ведется лишь с трехлетнего возраста. – Мне кажется, вы плохо представляете, что значит быть приемным ребенком. Когда я был совсем крохой, трех лет от роду, отец вышвырнул меня из своей жизни. Но если бы я на этом заиклился, ни на что другое меня бы не хватило. Эту тему я закрыл давным-давно, потому что иначе нельзя. Моими родителями стали совершенно другие люди.

– Но ваш брат по-прежнему носит фамилию Борден.

При каждом упоминании о брате я чувствовал укол совести, тревоги и любопытства. Похоже, Кейт этим пользовалась, чтобы сокрушить мою линию обороны. Существование брата всегда оставалось моей сокровенной убежденностью, частью меня самого, закрытой для других. Но сейчас передо мною сидела совершенно посторонняя женщина, которая запросто рассуждала о моем брате.

– Почему вас это занимает? – спросил я.

– Когда вы впервые услышали мою фамилию, она не вызвала у вас никаких ассоциаций?

– Нет.

– Вам что-нибудь говорит имя Руперт Энджер?

– Нет.

– А Великий Дантон, фокусник?

– Нет. Если моя прежняя семья и представляет для меня какой-то интерес, то лишь потому, что через нее я, возможно, когда-нибудь сумею разыскать брата.

За разговором Кейт часто прикладывалась к стакану, который вскоре опустел. Она подавалась вперед, чтобы смешать очередную порцию, а потом решила добавить виски и мне. Памятуя о том, что ближе к вечеру надо будет садиться за руль, я поспешил отвести руку со стаканом, прежде чем она наполнила его до краев.

– Мне кажется, – проговорила она, – судьба вашего брата связана с событиями столетней давности. Точнее, с Рупертом Энджером, одним из моих предков. Вы утверждаете, что никогда о нем не слышали, и это неудивительно, но в конце прошлого века он прославился под псевдонимом Великий Дантон. В то время все фокусники брали себе звучные сценические имена. Он подвергался злобным нападкам другого иллюзиониста, которого звали Альфред Борден. Это был ваш прадед. Хотите сказать, вам и об этом ничего не известно?

– Только то, что он написал книгу. Полагаю, прислали ее именно вы.

Она кивнула.

– Их непримиримая вражда тянулась долгие годы. Каждый не упускал случая навредить другому, и нередко – прямо на сцене. История этой вражды описана в книге Бордена – разумеется, с его позиций. Вы успели ее прочесть?

– Нет, не успел: бандероль доставили только сегодня утром...

– Я подумала, вам это будет безразлично.

У меня снова возник тот же вопрос: к чему ворошить прошлое? Бордены остались где-то далеко, мне о них почти ничего не известно. Весь этот разговор представлял интерес для Кейт, но не для меня. Я слушал ее только из вежливости; она и не подозревала, что наткнулась на невидимое сопротивление, на тот защитный механизм, который безотчетно вырабатывает в себе брошенный ребенок. Чтобы освоиться в новой семье, мне пришлось забыть прошлое. Ну сколько можно повторять?

Кейт объявила, что хочет мне кое-что показать, поставила стакан и направилась к письменному столу, стоявшему у стены как раз позади меня. Когда она нагнулась, чтобы выдвинуть нижний ящик, открытый ворот ее платья чуть отстал от шеи; украдкой приглядевшись, я заметил в вырезе белоснежную бретельку и красиво очерченную грудь, поддерживаемую кружевной чашечкой бюстгалтера. Просовывая руку в глубь ящика, она вынуждена была отвернуться, и я разглядел изящную линию спины, все те же бретельки, обозначившиеся под тонкой материей, и струящиеся пряди волос. Она собиралась вовлечь меня во что-то неведомое, а я тем временем беззастенчиво оценивал ее достоинства, лениво прикидывая, какова она в постели. Захотелось потискать титул – так бы выразились доморощенные остряки у нас в редакции. Как бы то ни было, моя собственная жизнь рисовалась мне интереснее и сложнее, чем замшелые истории про каких-то фокусников. Кейт поинтересовалась, в каком районе Лондона я живу, но не спросила с кем, поэтому я ни словом не обмолвился про Зельду. Восхитительная и возмутительная Зельда: стрижка ежиком, серьга в ноздре, сапоги с заклепками и сказочная фигура. Три дня назад она объявила, что ей нужны свободные отношения, и ушла в половине двенадцатого ночи, прихватив изрядную долю моих книг и почти все музыкальные компакт-диски. С тех пор она как в воду канула, и я уже начал беспокоиться, хотя она выкидывала такие номера и прежде. Я бы с удовольствием побеседовал о Зельде с этой аристократкой – не потому, что меня интересовало ее мнение, а потому, что Зельда – это моя реальность. Не скажете ли, как, по-вашему, можно ее вернуть? Или вот еще что: как бы мне уйти из газеты, не обидев отца? Куда податься, если Зельда и вправду меня бросит, – ведь я обретаюсь в квартире ее родителей? На что я буду жить, оставшись без работы? И если у меня действительно есть брат, где и как его искать?

Каждый из этих вопросов занимал меня куда больше, нежели вражда между прадедами, о которых я слыхом не слыхивал. Правда, один из них написал книгу. Об этом и то интереснее было бы услышать.

– Сто лет до них не дотрагивалась. – Кейт рылась в столе, и голос ее звучал приглушенно. Она вытащила какие-то семейные альбомы, сложила их стопкой на полу и полезла в дальний угол ящика. – Вот, нашла.

Она сжимала в руке кое-как сложенную пачку бумаг разной величины, выцветших и обтрепавшихся. Положив их на канapé рядом с собой, Кейт потянулась за стаканом и только после этого начала перебирать листы.

– Мой прадед отличался патологической аккуратностью, – сообщила она. – Он никогда ничего не выбрасывал; более того, наклеивал ярлычки, составлял списки, для каждой мелочи отводил место в особом шкафу. Когда я была маленькой, родители говорили: «Это дедушкины вещи». К ним никто не прикасался, нам даже не позволяли их рассматривать. Но искушение было слишком велико, и мы с Розали тайком нарушали запрет. Когда она вышла замуж и уехала, я осталась одна и в конце концов решила заняться этим имуществом. Кое-что из

реквизита и костюмов удалось продать, причем за хорошую цену. А вот эти афиши я нашла в его бывшем кабинете.

Рассказывая, она перебирала афиши и наконец протянула мне ветхий, пожелтевший лист. Афиша протерлась на сгибах и готова была вот-вот рассыпаться. Она возвещала о представлении в «Театре Императрицы» на Эверинг-роуд в Сток-Ньюингтоне. Над списком исполнителей было напечатано, что число представлений ограничено, а даваться они будут в дневное и вечернее время с 14 по 21 апреля («Следите за объявлениями»). Гвоздем программы был ирландский тенор Деннис О'Канаган («Открой свое сердце Ирландии милой»), чье имя было напечатано красным. Также выступали сестры Макки («Трио прелестных певуний»), Сэмми Ренальдо («Бойтесь щекотки, ваше высочество?»), Роберт и Роберта Франк («Декламация»). В середине списка – склонившись ко мне, Кейт указала пальцем – обнаружился Великий Дантон («Величайший в мире иллюзионист»).

– На самом деле до таких высот ему было еще далеко, – объяснила она. – Большую часть жизни он прожил весьма скромно и лишь за несколько лет до смерти узнал настоящую славу. Эта афиша датирована тысяча восемьсот восемьдесят первым годом, когда он только-только начал пользоваться известностью.

– А это что за пометки? – спросил я, разглядывая аккуратно выведенную чернилами колонку цифр на полях афиши. Такие же колонки виднелись на обороте.

– Это Учетно-маниакальная Система Великого Дантона, – ответила Кейт. Она переместилась с дивана на ковер и непринужденно устроилась на коленях рядом с моим креслом. Склонившись к афише, которую я держал в руках, она продолжила: – Я еще не полностью в ней разобралась, но первая цифра обозначает ангажемент. Где-то должен быть его гроссбук с полным перечнем всех гастролей. Ниже записано, сколько у него было выходов, сколько из них дневных и сколько вечерних. Далее следуют порядковые номера фокусов, имевшихся в его репертуаре. Помимо этого, у него в кабинете остался добрый десяток записных книжек с описаниями всех его трюков. Пара таких книжек лежит здесь; можно посмотреть, какие фокусы он показывал в Сток-Ньюингтоне. Но и это еще не все: для большинства фокусов разработаны варианты, и на каждый имеются перекрестные ссылки. А вот здесь проставлено «10 г» – видимо, его гонорар за выступление: десять гиней.

– Это приличная ставка?

– Если за один выход – то просто великолепная. Но подозреваю, что это за неделю, – тогда сумма весьма средняя. Думаю, театрик был скромный.

Я потянулся за остальными афишами – как и сказала Кейт, на каждой имелся замысловатый цифровой код.

– У него и реквизит был помечен ярлычками, – сообщила она. – Ума не приложу, как он находил время общаться с внешним миром да еще зарабатывать на жизнь! Но, расчищая подвал, я обнаружила, что каждая мелочь пронумерована, занесена в реестр и снабжена отсылками к записным книжкам.

– Может, он поручил учет кому-то другому.

– Нет, почерк всюду один.

– В каком году он умер? – спросил я.

– Как ни странно, на этот счет есть некоторые сомнения. В газетах называют тысяча девятьсот третий год, «Таймс» даже поместила некролог, однако в деревне утверждают, что годом позже он еще жил в этом доме. Но что самое удивительное – этот некролог я обнаружила в альбоме с газетными вырезками: наклеенный, пронумерованный и внесенный в реестр, как и все прочие материалы.

– И как вы это объясняете?

– Никак. Альфред Борден упоминает об этом в своей книге. Собственно, оттуда мне и стало об этом известно, а уж потом я попыталась выяснить, что же между ними произошло.

– А еще что-нибудь интересное после него осталось?

Она потянулась за альбомами с вырезками, а я плеснул себе новую порцию американского виски – я такого еще не пробовал, но этот сорт начинал мне нравиться. А еще мне нравилось, что Кейт сидит у моих ног, посматривает на меня снизу вверх и время от времени наклоняется ко мне, а я при этом получаю возможность заглянуть – не исключено, что с ее полного ведома, – в вырез ее платья. В этом была какая-то странность: не вполне отдавая себе отчет в происходящем, я беседовал о всяких фокусниках и встречах в далеком детстве, вместо того чтобы писать репортаж, как того требовал служебный долг, или ехать в гости к родителям, как планировалось.

Впрочем, часть моего сознания, подвластная брату, прониклась спокойствием, какого он мне еще никогда не посылал. Он убеждал меня остаться.

За окном смеркалось, а над Пеннинскими горами по-прежнему лил холодный дождь. Из окна тянуло ледяным сквозняком. Кейт подбросила очередное полено в горящий камин.

Часть вторая

Альфред Борден

Глава 1

Начато в 1901 году.

Мое имя – мое настоящее имя – Альфред Борден. История моей жизни – это история тайн, на которых зиждется моя жизнь. На этих страницах они будут описаны в первый и последний раз; другой рукописи не существует.

Я появился на свет восьмого дня мая 1856 года в приморском городе Гастингсе, рос крепышом и непоседой. Отец мой был известным на всю округу бондарем и колесных дел мастером. Наш дом номер 105 по Мэнор-роуд находился в ряду других домов вдоль извилистой улицы, прилепившейся к склону одного из холмов, на которых стоит Гастингс. За домом круто уходил вниз безлюдный склон, где в летние месяцы пасли скотину, а перед окнами тот же самый холм, но уже застроенный домами, вздымался вверх, заслоняя от нас море. Жители этих домов, а также окрестные землевладельцы и промышленники исправно обеспечивали моего отца работой.

Наш дом выделялся шириной и высотой среди всех прочих, потому что его прорезала арка ворот, которые вели на задний двор, к мастерским и сараям. Моя комната, выходящая окном на улицу, располагалась прямо над въездом, отделяемая от него лишь дощатым полом и тонким слоем штукатурки, поэтому в ней круглый год стоял грохот, к которому зимой добавлялся немилосердный холод. В этой комнате я рос и вырос, становясь из мальчика мужчиной.

Теперь этот мужчина – *Le Professeur de la Magie*, а я – мастер иллюзий.

* * *

Хотя рассказ только-только начался, сейчас придется сделать небольшое отступление, ибо я не намерен сводить эту рукопись к простому жизнеописанию, как принято среди тех, кто берется повествовать о себе. Она, повторюсь, будет рассказывать о тайнах моей жизни. Таинственность – самая суть моего ремесла.

Позвольте для начала представить и пояснить избранный мною способ изложения. Раскрытие собственных тайн может быть истолковано как саморазоблачение, однако необходимо иметь в виду следующее: как иллюзионист я позволю вам увидеть только то, что сам захочу показать. Но в этом показе будет незримо присутствовать загадка.

Поэтому для начала необходимо уточнить два взаимосвязанных понятия: *тайна* и *восприятие тайны*.

Рассмотрим такой пример.

Во время каждого выступления обычно настает момент, когда зрителям кажется, будто фокусник делает паузу. Приблизившись к рампе, он останавливается в сиянии огней лицом к залу. Он говорит (или, если номер без слов, дает понять): «Смотрите, у меня в руках ничего нет». Чтобы все в этом удостоверились, он показывает ладони залу и разводит пальцы, словно подтверждая, что ничего в них не припрятал. Затем он поворачивает ладони тыльной стороной, и все окончательно убеждаются, что его руки пусты. Ну и чтобы развеять последние сомнения, фокусник может слегка потереть манжеты и подернуть их на пару дюймов вверх, дабы показать, что и там ничего нет. Затем он выполняет свой трюк, в ходе которого, спустя считанные секунды после того, как неопровержимо было доказано, что в руках у него ничего нет, из этих самых рук откуда ни возьмись появляются веер, живой голубь или кролик, букет искусственных цветов, а то и горящая свеча. Парадоксально! Невероятно! Публика в восторге от такого чуда, стены зала сотрясает шквал аплодисментов.

Как такое возможно?

Фокусник и его зрители заключают между собой особое соглашение, которое я называю Конвенцией о мистификации. Ни одна из сторон не формулирует ее открытым текстом; более того, зрители, как правило, даже не подозревают, что стали участниками этой Конвенции, но дело обстоит именно так.

Разумеется, на сцену выходит не чудодей, а просто артист, который играет роль чудодея и хочет, чтобы зрители уверовали, хотя бы ненадолго, в его связь с потусторонними силами. Зрители, в свою очередь, прекрасно знают, что им показывают ненастоящие чудеса, но гонят от себя эту мысль и охотно идут на поводу у фокусника. Чем искуснее артист поддерживает иллюзию чуда, тем выше оценивается его мастерство.

Демонстрация пустых рук и незамедлительное опровержение этой пустоты предписаны Конвенцией о мистификации. Конвенция диктует определенные правила. Например, в повседневном общении было бы нелепо демонстрировать пустые руки, правда? А теперь представьте: фокусник ни с того ни с сего извлекает откуда-то вазу с цветами, не убедив перед этим зрителей в полной невозможности такого действия. Публика даже не поймет, что это был фокус. Оваций не последует.

Эти примеры иллюстрируют выбранный мною способ повествования.

Итак, позвольте перейти к моей Конвенции о мистификации, руководствуясь которой я пишу эти строки. Пусть читатель поймет: перед ним не чудо, а иллюзия чуда.

Первым делом я, образно говоря, предъявляю вам пустые ладони, развожу пальцы и провозглашаю (запомните хорошенько): «Эти записки правдиво изображают меня на сцене и в жизни, точны в деталях и продиктованы честными побуждениями».

Теперь я поворачиваю к вам ладони тыльной стороной и продолжаю: «Многое из того, что здесь написано, подтверждается беспристрастными источниками. О моих выступлениях писали газеты, мое имя внесено в биографические справочники».

Наконец я поддерживаю манжеты, обнажаю запястья и спрашиваю: «Подумайте сами, зачем мне говорить неправду, если эти записки предназначены только для меня – ну, может быть, еще для моих близких и для потомков, которых я никогда не увижу?»

В самом деле, зачем?

Но раз уж я показал, что выхожу к вам с пустыми руками, вы должны не просто ожидать обмана – вы должны ожидать, что будете обманываться с полной готовностью!

Таким образом, нигде не погрешив против истины, я уже начал мистификацию, которая составляет всю мою жизнь. Вымысел заключен в каждом слове, начиная с самого первого. Ткань этой истории сплетается из вымысла, который нигде себя не обнаружит.

Я отвлек ваше внимание рассуждениями о правдивости, о беспристрастных источниках и высоких мотивах. Как и при демонстрации пустых рук, я утаил главное, и теперь вы смотрите совсем в другую сторону.

Как известно каждому фокуснику, во время представления кое-кто из зрителей ничего не поймет, иные сочтут, что их одурачили, третьи притворятся, будто знают каждую уловку, зато остальные – счастливое большинство – приготовятся увидеть чудо, получат удовольствие и славно проведут вечер.

Впрочем, всегда найдутся один-два человека, которые запомнят мистификацию и долго будут ломать над ней голову, но ни на шаг не приблизятся к разгадке.

* * *

Прежде чем вернуться к событиям своей жизни, расскажу одну историю, которая проливает свет на выбранный мною способ повествования.

В годы моей молодости на эстрадных подмостках царила мода на восточные фокусы. Чаще всего с такими номерами выступали европейцы или американцы, одетые и загримиро-

ванные под китайцев, но изредка в Европе появлялись и настоящие китайцы. Одним из них – и, полагаю, величайшим из всех – был выходец из Шанхая по имени Цзи Линьхуа, известный под сценическим именем Цзин Линь-Фу.

Мне довелось увидеть его выступление всего один раз; это было несколько лет назад в театре «Адельфи» на Лестер-сквер. Когда дали занавес, я поспешил к служебному входу и упросил привратника отнести артисту мою визитную карточку. Мне тут же было передано любезное приглашение подняться в гримерную. Иллюзионист не заговаривал о своих трюках, но мне в глаза бросился самый знаменитый предмет его реквизита: на подставке у него за спиной виднелся большой аквариум с золотыми рыбками, который в кульминационный момент программы чудесным образом возникал буквально из воздуха. Мне было предложено осмотреть эту вещь, и я не обнаружил в ней никакого подвоха. В обыкновенной воде, за обыкновенным стеклом плавало с десяток живых декоративных рыбок. Зная технику соответствующего трюка, я попробовал приподнять аквариум – и поразился его тяжести.

Цзин заметил мои потуги, но промолчал. Он не мог знать наверняка, известен ли мне секрет его номера, и не собирался им делиться даже с собратом по профессии. Я же ломал голову, как бы поделкатнее намекнуть, что для меня этот трюк не составляет тайны, но в конце концов счел за лучшее промолчать. Мы провели вместе четверть часа; все это время он не поднимался со стула и только вежливо кивал, пока я рассыпался в похвалах. Перед моим приходом он успел переодеться в темные брюки и полосатую рубашку синих тонов, но еще не снял грим. Когда я собрался уходить, он встал со своего места перед зеркалом, чтобы проводить меня до дверей. При ходьбе Цзин не поднимал головы, его руки безвольно свисали вдоль туловища, а ноги волочились по полу, словно каждый шаг причинял ему нестерпимую боль.

С тех пор прошло много лет, его уже нет в живых, и я вправе предать гласности его заветную тайну, невысказанные масштабы которой волею случая открылись мне в тот вечер.

Пресловутый аквариум в течение всего номера находился на сцене, под рукой у фокусника, готовый к внезапному и загадочному появлению из воздуха. Однако сей предмет был искусно спрятан от глаз публики. *Под развевающимся китайским плащом иллюзионист таскал аквариум по сцене*, сжимая его коленями, чтобы в нужный момент создать для публики иллюзию чуда. Никому в зале не приходило в голову, как это делается, хотя к разгадке можно было прийти путем несложных логических рассуждений.

Но логика магическим образом вступала в противоречие сама с собой! Плащ был единственным атрибутом, способным укрыть громоздкий аквариум; тем не менее здравый смысл противился такому объяснению. Зрители видели на сцене дряхлого старца, едва передвигающего ноги. Выходя на поклон, Цзин Линь-Фу опирался на локоть ассистента; со сцены артиста уводили под руки.

При этом истинная картина была совершенно иной. Цзин отличался недюжинной физической силой, что вполне позволяло ему носить по сцене аквариум описанным способом. Передвигаясь с грузом такого внушительного размера и неудобной формы, он волей-неволей начинал шаркать, как старый китайский вельможа. Такая походка ставила под угрозу секрет всего номера, и тогда, желая сохранить профессиональную тайну, артист взял за правило при ходьбе старчески волочить ноги. Этой привычке он не изменял до самой смерти. Ни под каким видом – ни дома, ни на улице, ни днем, ни ночью – он не позволял себе двигаться естественным шагом.

Такова сущность человека, который играет роль волшебника.

Зрители прекрасно знают, что иллюзия репетируется годами, что каждое представление готовится самым тщательным образом, но мало кто сознает, до каких пределов доходит страсть фокусника к мистификации, какое наваждение довлеет над ним всю жизнь, требуя вновь и вновь бросать мнимый вызов законам обыденного.

Жертвой такого наваждения и стал Цзин Линь-Фу; прочитав эту историю, вы, наверно, догадались, что мне самому тоже присуща одержимость. Страсть к мистификации правит моей

жизнью, диктует решения, определяет каждый мой шаг. Даже сейчас, при написании этих заметок, она подсказывает, о чем можно поведать, а о чем следует умолчать. Я уподобил свой метод изложения показу якобы пустых ладоней, но, если выразиться точнее, за каждой фразой стоит здоровяк, играющий роль дряхлого старца.

Глава 2

Поскольку отцовская мастерская приносила немалый доход, родители смогли определить меня в академическую гимназию «Пэлем» – попросту говоря, в начальную школу, которую возглавляли две старые девы, барышни Пэлем. Гимназия располагалась у развалин средневековой городской стены на Истборн-стрит, неподалеку от гавани. Под сварливый гвалт чаек, среди неистребимого запаха тухлой рыбы, который витал над пристанью и над всем побережьем, я постигал премудрости грамоты и счета, а также начатки истории, географии и устрашающей французской грамматики. Все полученные знания пригодились мне в дальнейшем, а неравная борьба с французским по иронии судьбы закончилась тем, что я стал выходить на эстрадные подмостки в образе профессора-француза.

Мой путь в школу и обратно лежал через возвышенность Уэст-Хилл, которую успели застроить только в непосредственной близости от нашего дома. Узкие тропы вели меня сквозь душистые заросли тамариска, заповнившие в Гастингсе все открытое пространство. В те времена город переживал эпоху подъема, во множестве строились новые дома и курортные гостиницы. По молодости лет я этого почти не замечал, поскольку школа находилась в старом городе, а курорт начинался за Белой скалой. Этот островерхий утес взорвали – громыхнуло на славу, – чтобы расчистить место для широкого променада вдоль набережной. Невзирая на все эти новшества, жизнь в старинном городке Гастингсе шла своим чередом, как и сотни лет назад.

Я мог бы немало рассказать о своем отце, и хорошего, и дурного, но, чтобы не отступать от своей собственной истории, ограничусь только хорошим. Отца я любил и вдобавок научился у него столярному делу, чем, как ни странно, обеспечил себе имя и состояние. Могу заверить: мой родитель вел трезвый образ жизни, был трудолюбив, честен, сметлив и по-своему великодушен. С работниками обходился по справедливости. Не отличаясь набожностью, он избегал заходить в церковь, но своих домашних приучал к гражданской добродетели, которая не допускает никакого действия или бездействия во вред ближнему. Он был талантливым краснодеревщиком и умелым тележным мастером. Если у нас дома случались скандалы (а без них не обходилось), то, как я с годами понял, причиной тому был мучивший отца душевный разлад, хотя истоки и подробности такого внутреннего конфликта были мне неведомы. Хотя отец никогда не вымещал на мне свою злость, я его побаивался, даже выйдя из детского возраста, но и любил его всей душой.

Мою матушку звали Бетси Мэй Борден (в девичестве Робертсон), а отца – Джозеф Эндрю Борден. У меня было семеро братьев и сестер, но двое умерли в младенчестве, до моего появления на свет. Я не был ни старшим, ни младшим из детей; мать с отцом меня особо не выделяли. С братьями и сестрами (впрочем, не со всеми) мы кое-как ладили.

В возрасте двенадцати лет меня забрали из школы и пристроили к делу в колесной мастерской. Так началась моя взрослая жизнь, в том смысле, что теперь я проводил больше времени среди взрослых, чем среди сверстников, а главное – мое собственное будущее стало принимать реальные контуры.

Два момента повлияли на меня кардинальным образом.

Во-первых, я просто-напросто научился работе с деревом. Его вид и запах были мне привычны с рождения, но прежде я не догадывался, какие ощущения возникают у человека, который поднимает с земли брус, вонзает в него топор или орудует пилой. Стоило мне всерьез заняться столярным делом, как я проникся уважением к дереву и понял, чего можно достичь с его помощью. Правильно высушенное и умело распиленное дерево обнаруживает свою естественную фактуру; это красивый, долговечный и податливый материал. Дереву придается любая форма; оно сочетается практически с любыми другими материалами. Его можно красить, бейцевать, обесцвечивать, гнуть. Оно необыкновенно и вместе с тем заурядно; любой

предмет, изготовленный из дерева, воспринимается как надежный и привычный, а потому не бросается в глаза.

Иными словами, это идеальный материал с точки зрения иллюзиониста.

В мастерской мне, хозяйскому сыну, не давали никаких поблажек. В первый же день меня поставили на самую тяжелую и неблагодарную работу – вместе со вторым подмастерьем отправили на распилку бревен. Мы ежедневно брались за дело в шесть утра и не разгибали спины до восьми вечера; нам полагалось только три кратких перерыва, чтобы утолить голод. Не знаю, какое занятие могло бы натренировать мое тело лучше, чем двенадцатичасовой рабочий день в мастерской; это же ремесло внушило мне опасливое, но благоговейное отношение к древесине. После этого многомесячного посвящения в ремесло меня перевели на менее тяжелую и более ответственную работу: я учился отмерять, обтачивать и шлифовать дерево для колесных спиц и ободьев. Теперь я постоянно находился среди тележных и прочих мастеров, что работали на моего отца, и реже виделся с приятелями-подмастерьями.

В один прекрасный день, примерно год спустя после того как меня забрали из школы, в мастерской объявился новый работник по имени Роберт Нунэн; его подрядили восстановить разрушенную ураганом заднюю стену двора, которая давно требовала ремонта. Появление Нунэна и стало вторым обстоятельством, определившим мое будущее.

Погруженный в работу, я не обратил на него никакого внимания, но в час дня, когда наступил перерыв, Нунэн присел вместе со всеми за верстак, служивший нам обеденным столом, достал из-за пазухи колоду карт и предложил любому желающему «угадать дамочку». Старики, подняв его на смех, советовали нам не попадаться на эту удочку, но кое-кто все же решил посмотреть, что будет. Из рук в руки начали переходить скромные суммы денег; у меня-то в карманах гулял ветер, но нашлось двое-трое любопытных, которые были не прочь рискнуть парой монет.

Больше всего меня поразило, сколь непринужденно и ловко Нунэн обращался с картами. Как уверенны и точны были движения! Он все время что-то негромко приговаривал, словно увещевая нас, зрителей, а сам демонстрировал три карты разного достоинства, потом быстрым, но плавным движением опускал их рубашкой вверх на лежавший перед ним ящичек и начинал передвигать их своими длинными пальцами, после чего делал паузу и предлагал нам угадать даму. Мастерские не отличались особой зоркостью; им намного реже, чем мне, удавалось проследить за перемещением нужной карты (хотя и я ошибался чаще, чем угадывал правильно).

Потом я спросил у Нунэна:

– Как у тебя так ловко получается? Можешь меня научить?

Сперва он отнекивался, повторяя, что это сущая безделица, но от меня не так-то просто было отвяжаться.

– Мне нужно понять, как это выходит! – твердил я. – Дама кладется посередине, ты передвигаешь карты всего два раза, и она оказывается совсем не там, где ждешь. В чем тут секрет?

И вот однажды, дождавшись перерыва, он, вместо того чтобы облапошивать мастеровых, позвал меня в пустующий угол тележного сарая и показал, как нужно манипулировать тремя картами, чтобы движения обманывали глаз. Две карты – даму и любую другую – требовалось легко держать, одну поверх другой, между большим и средним пальцами левой руки, а третью карту – в правой. Раскладывая карты на столе, он делал перекрестное движение руками, его пальцы едва заметно касались столешницы и на мгновение замирали, отчего создавалось впечатление, будто первой выкладывается именно дама. Но в действительности почти каждый раз на стол незаметно соскальзывала совсем другая карта. Это классический карточный фокус, который так и называется – «три карты».

Когда до меня дошла эта хитрость, Нунэн продемонстрировал еще несколько трюков. Он показал, как задерживать карту в ладони, как делать перехлест, как снимать, чтобы задуманная карта сдавалась первой или последней, и как заставить доверчивого зрителя из сложных

веером карт выбрать задуманную. Все это Нунэн проделывал небрежно, желая скорее порисоваться перед мальцом, нежели поделиться своим умением; ему, видно, было невдомек, с какой жадностью впитывал я его науку. Когда он закончил, я попытался проделать фокус с дамой, но карты разлетелись по полу. Я сделал еще одну попытку, потом еще и еще. Нунэн давно потерял ко мне всякий интерес и вернулся к работе. Ближе к ночи, перед сном, я все-таки освоил «три карты» и принялся разучивать другие фокусы, которые видел лишь мимолетно.

Настал день, когда Нунэн, докрасив восстановленную стену, ушел восвояси и, стало быть, исчез из моей жизни. Больше я его никогда не видел. Но он разбредил мальчишескую душу. Я дал себе зарок во что бы то ни стало овладеть искусством ловкости рук, которое (как я узнал из книжки, незамедлительно взятой в библиотеке) называется манипуляцией, а по-ученому – престижитацией.

Глава 3

Вот что определило ход моей жизни в течение последующих трех лет. Во-первых, я быстро выросл и превращался из подростка в мужчину. Во-вторых, отец очень скоро понял, что я уже выучился на плотника и способен на большее. Наконец, в-третьих, я неустанно тренировал руки, чтобы показывать фокусы.

Эти приметы моего существования переплетались друг с другом, как волокна каната. И отцу, и мне самому нужно было зарабатывать на жизнь, поэтому меня никто не освобождал от изготовления бочек, тележных осей и колес, но когда выпадала свободная минута, либо сам отец, либо кто-нибудь из десятников посвящал меня в тонкое ремесло краснодеревщика. Отец хотел направить меня по своим стопам. Если бы я не обманул его ожиданий, то по завершении моего ученичества он бы купил для меня мебельную мастерскую, чтобы я поставил в ней дело по своему усмотрению. Он мечтал, что в старости уйдет на покой и будет мне помогать. Иначе говоря, отец раскрыл передо мной собственные несбывшиеся надежды. Мои успехи в работе по дереву напомнили ему о честолюбивых помыслах его юности.

Между тем я добился заметных успехов и в другом ремесле, которое считал своим главным призванием. Все мое свободное время посвящалось разучиванию фокусов. Например, я старался довести до совершенства все известные виды манипуляций с картами. Я считал, что основу любых фокусов составляет ловкость рук, точно так же, как простая тоническая гамма составляет основу сложнейшей симфонии. Разыскать соответствующие учебные пособия было невероятно трудно, но какие-то руководства для фокусников все же выходили в свет, и при большом желании их можно было разыскать. По ночам я раз за разом становился перед большим зеркалом в своей холодной комнате над аркой ворот и учился придерживать карты ладонью, выдавливать их из колоды, тасовать и сдавать, раскладывать на столе и складывать веером, передергивать и снимать всякими хитроумными способами. Я узнал, как играть на людских привычках, каким образом можно отвлечь внимание зрителей и что скорее собьет их с толку – железная клетка для птиц (кто заподозрит, что у клеток бывают складные прутья?), или мяч, на вид слишком большой, чтобы поместиться в рукаве, или стальной кинжал, который якобы невозможно согнуть. На овладение приемами сценической магии уходило не так уж много времени; но, разучив какой-нибудь фокус, я доводил его до автоматизма, затем, после некоторого перерыва, обращался к нему вновь, исправляя малейшие погрешности, а потом еще и еще – и так добивался совершенства. Эти занятия не прекращались ни на день.

Залогом моих успехов стала ловкость и сила рук.

Сейчас я ненадолго отступлю от этой истории, чтобы переключиться на свои руки. Я опускаю перо и кладу ладони перед собой, поворачиваю их под рожком газовой лампы и, пытаясь отрешиться от повседневности, смотрю на них взглядом стороннего наблюдателя. Удлиненные, тонкие кисти; аккуратно подстриженные ногти, все одинаковой длины; нельзя сказать, что это руки художника, но это и не руки черноработного, и уж тем более не руки хирурга; это руки мастера-краснодеревщика, посвятившего себя престиж-джитации. Когда я поворачиваю их ладонями кверху, кожа выглядит совсем бледной, почти прозрачной; на ее фоне темнеют сгибы между фалангами пальцев. Подушечки крепких больших пальцев мягкие и округлые, но, когда я напрягаю мышцы, на ладонях возникают твердые бугорки. Поворачивая кисти тыльной стороной, я снова разглядываю тонкую кожу, припорошенную светлыми волосками. Эти руки привлекают женщин; кое-кто даже говорит, что за такие руки можно полюбить.

Даже теперь, в пору зрелости, руки я тренирую ежедневно. В них достаточно силы, чтобы раздавить каучуковый теннисный мяч. Я сгибаю пальцами стальные гвозди, раскалываю доску ребром ладони. С другой стороны, та же самая рука, удерживая монету в один фартинг кончиками среднего и безымянного пальцев, одновременно работает со сценической аппаратурой,

пишет на грифельной доске или отвечает на рукопожатие добровольца из публики; по завершении этих маневров фартинг чудесным образом появляется словно ниоткуда.

На левой ладони у меня небольшой шрам – напоминание о том времени, когда я еще не научился оберегать ладони. Уже тогда упражнения с колодой карт, с монетой, с тонким шелковым платком и разным другим реквизитом, которым я мало-помалу обзаводился, убедили меня в том, что человеческая рука – в высшей степени тонкий инструмент, деликатный, мощный и чувствительный. Но столярное ремесло губительно для рук – эта неприятная истина открылась мне во время работы в мастерской. Зазевавшись при изготовлении обода, я сделал одно неверное движение резцом – и мою левую руку рассек глубокий порез. Помню, я остолбенел при виде темной крови, толчками выбрасываемой из раны и стекающей по запястью до самого локтя. Сведенные судорогой пальцы сделались похожими на когти ястреба. Бывалых работников, оказавшихся рядом, такая травма не испугала; сохраняя присутствие духа, они споро наложили мне жгут и снарядили телегу, чтобы отправить меня в больницу. Две недели я ходил с повязкой. Но страшнее, чем кровь, боль и временная утрата легкости движений, было другое: меня обуял страх, что рука, даже после заживления раны, так и останется безнадежно искалеченной и ни на что не годной. Со временем стало ясно, что эта опасность миновала. Я испытал немало тревожных волнений, пока рука плохо гнулась и почти не слушалась, но сухожилия и мышцы в конце концов разработались, края раны срослись как положено, и через два месяца я вернулся к прежней жизни.

Однако этот случай стал мне уроком. В те годы престижизитация была для меня всего лишь увлечением. Я еще не выступал перед публикой и даже не развлекал мастеровых, как это делал Роберт Нунэн. Все мое искусство сводилось к монотонным упражнениям перед высоким, в человеческий рост, зеркалом. Но это увлечение захватило меня целиком, переросло в страсть и грозило сделаться наваждением. Мог ли я подвергать себя риску получить травму?

Вот так и вышло, что рассеченная ладонь стала еще одной вехой моей жизни, потому что она определила для меня главенствующие цели. Прежде я был подмастерьем, который в свободное время баловался фокусами, а после того случая стал начинающим фокусником, для которого нет преград. Кому-то это могло показаться пустой забавой, но удержать в ладони спрятанную карту, исподволь выудить из фетрового мешочка бильярдный шар или незаметно сунуть одолженную у зрителя пятифунтовую банкноту в заготовленный апельсин стало для меня важнее, чем смастерить тележное колесо по заказу трактирщика.

* * *

В этом я себе не признавался! Как же так? Не рискую ли я зайти слишком далеко? Больше не напишу ни слова, пока не уточню!

* * *

Ну вот, мы посоветовались и приняли решение не останавливаться. Стало быть, продолжаю? Договорились. Я могу писать то, что сочту нужным, а я могу добавлять к этому все, что сочту нужным. В мои планы не входило писать ничего такого, на что я не дал бы согласия; именно то, что не вызывает разногласий, я и буду подробно описывать, а я потом перечту. Прошу прощения, если я думал, что я меня обманывал; так выходило без злого умысла.

* * *

Несколько раз перечел эти записки и, смею предположить, разобрался, к чему веду речь. Моя реакция была вызвана крайним удивлением. Теперь я немного успокоился и вижу, что пока еще не вышел за пределы допустимого.

Но сколь многое осталось без внимания! Полагаю, далее нужно поведать о встрече с Джоном Генри Андерсоном, потому что не кто иной, как он, рекомендовал меня Маскелайнам.

Почему бы не перейти прямо к этим событиям?

Либо мне нужно начать прямо сейчас, либо оставить мне памятку на видном месте. Чтобы мне почаще чередоваться!

Обязательно вкл. в рассказ след. моменты:

1. Как я узнал, чем занимается Энджер, и как я с ним поступил.
2. Олив Уэнском (NB: я тут ни при чем).
3. Сара? Дети?

Ибо Конвенция распространяется даже на эти пункты, верно? Так я ее истолковываю. В этом случае либо нужно многое вычеркнуть, либо много чего добавить.

Сам удивляюсь, сколько страниц я уже исписал.

Глава 4

В 1872 году, когда мне было шестнадцать лет, на гастроли в Гастингс приехал Джон Генри Андерсон; целую неделю он выступал в театре «Гэйети» на Куинс-роуд со своим «Передвижным иллюзионном». Я не пропустил ни одного вечера, причем старался, насколько позволяли средства, покупать билеты как можно ближе к сцене. О том, чтобы хоть раз остаться дома, не могло быть и речи. Самый знаменитый иллюзионист своего времени, он прославился изобретением ряда невероятных трюков; мало этого – говорили, что он покровительствует начинающим фокусникам.

Каждый вечер Андерсон включал в программу номер, известный среди профессионалов как «чудо-ящик». По ходу дела на сцену приглашалась небольшая группа добровольцев-ассистентов (из публики вызывались исключительно мужчины). Сначала они помогали выкатывать из-за кулис высокий деревянный ящик на колесах, возвышающийся над подмостками ровно настолько, чтобы зрители могли убедиться: потайного люка под ним нет. Затем волонтерам предлагалось удостовериться, что ящик пуст, повернуть его кругом и даже отрядить кого-нибудь одного, чтобы тот зашел внутрь и подтвердил, что спрятаться там негде. Наконец, они собственноручно запирали дверь на внушительные замки. Добровольцы так и оставались на сцене, а мистер Андерсон снова поворачивал ящик, демонстрируя залу надежность запоров, и вдруг стремительным движением сбивал замки, распахивал дверцу, и... перед публикой возникала прелестная юная ассистентка в пышном платье и широкополой шляпке.

Всякий раз, когда мистер Андерсон отбирал добровольцев, я стремительно вскакивал с места, но он неизменно проходил мимо. Как я жаждал попасть в число избранных! Мне не терпелось узнать, что испытывает человек, стоящий перед зрителями на сцене в лучах софитов. Я сгорал от желания оказаться рядом с мистером Андерсоном во время исполнения этого номера. Но больше всего мне хотелось разглядеть устройство шкафчика. Конечно, «чудо-ящик» не составлял для меня тайны, ибо к тому времени я успел докопаться или дойти своим умом до техники выполнения всех трюков, которые пользовались популярностью в те годы; но мне было важно не упустить редкую возможность осмотреть вблизи сценическую аппаратуру крупнейшего иллюзиониста. Ведь секрет этого номера кроется в конструкции ящика. Увы, моим мечтам не суждено было сбыться.

Когда закончилось последнее представление, я собрался с духом и направился к служебному входу, чтобы подкараулить Андерсона. Однако не прошло и минуты, как из-за конторки появился привратник и, склонив голову набок, смерил меня любопытным взглядом.

– Прошу прощения, сэр, – заговорил он, – но мистер Андерсон приказал, коли вы появитесь, немедленно пропустить вас к нему.

Нужно ли говорить, как это меня поразило!

– А вы уверены, что речь шла именно обо мне?

– Да, сэр, вне всякого сомнения.

Совершенно сбитый с толку, но охваченный радостным волнением, я, следуя объяснению привратника, заспешил по узким коридорам и лестницам, чтобы наконец оказаться в гримерной моего кумира. И там...

Там состоялась короткая, но волнующая беседа с мистером Андерсоном. Мне не хочется пересказывать ее в подробностях, отчасти потому, что прошло уже много времени и кое-какие детали, естественно, стерлись из памяти; но отчасти также и потому, что времени все-таки прошло недостаточно для того, чтобы избавиться от стыда за свои юношеские излияния. Целую неделю я наблюдал за мистером Андерсоном из партера и окончательно убедился, что он незаурядный артист, одинаково владеющий словом и жестом, безупречно выполняющий иллюзи-

онные трюки. Увидев его наедине, я совсем растерялся, но, когда ко мне вернулся дар речи, из меня лавиной хлынули восторженные дифирамбы.

Впрочем, разговор коснулся двух моментов, которые здесь могут оказаться небезынтересными.

Прежде всего мистер Андерсон объяснил, почему так и не выбрал меня в ассистенты. Оказывается, во время первого представления он чуть было не пригласил меня на сцену, видя мою ретивость, но что-то его удержало. Впоследствии, заприметив мое лицо, он догадался, что перед ним собрат по профессии (как у меня затрепетало сердце от такого признания!), и поостерегся иметь со мною дело. Он не знал – да и откуда ему было знать? – что у меня на уме. Многие фокусники, особенно молодые и тщеславные, не гнушаются присваивать находки именитых предшественников, так что опасения Андерсона были вполне понятны. Однако теперь он извинился за свое недоверие.

Второй существенный момент был следствием первого; мистер Андерсон понял, что я делаю первые шаги в постижении профессии, и черкнул для меня короткое рекомендательное письмо, с которым надлежало поехать в Лондон и явиться в Сент-Джордж-Холл – к самому Невилу Маскелайну.

Тут у меня от избытка чувств и открылся фонтан красноречия, о котором до сих пор стыдно вспоминать.

Полгода спустя после той незабываемой встречи я действительно отправился в Лондон и разыскал мистера Маскелайна; тогда-то и началась моя сценическая карьера. Такова вкратце история моего знакомства с Андерсоном, а затем и с Маскелайном. Не стану подробно описывать каждый свой шаг на пути к успеху и обретению мастерства; остановлюсь лишь на эпизодах, которые имеют непосредственное отношение к этому повествованию. В моей жизни был затяжной период, когда я выходил на сцену только для того, чтобы отточить свое искусство, и мои выступления были весьма далеки от идеала. Рассказывать о тех временах мне не хочется.

Так или иначе, встреча с Андерсоном стала для меня переломной. Помимо Андерсона и Маскелайна, у меня не было больше знакомых иллюзионистов вплоть до того времени, пока моя Конвенция не приняла нынешнюю форму; таким образом, из всех собратьев по ремеслу только они и знают секрет моего номера. Мистер Андерсон, к сожалению, ушел в мир иной, а вот Маскелайны, включая самого Невила Маскелайна, по-прежнему выступают на эстраде. Я знаю, что могу рассчитывать на их молчание; вернее сказать, ничего другого мне не остается. Мои секреты иногда оказывались под угрозой разглашения, но я не намерен возлагать вину за это на мистера Маскелайна. Скажу больше: истинный виновник мне хорошо известен.

Теперь вернусь к главной линии моего сюжета, что, собственно, и собирался сделать, пока я меня не перебил.

Глава 5

Несколько лет назад в газетах промелькнуло высказывание кого-то из фокусников (кажется, это был Дэвид Девант): «Иллюзионисты охраняют свои секреты не потому, что эти секреты значительны и оригинальны, а потому, что они незначительны и тривиальны. Поразительные сценические эффекты зачастую достигаются в результате таких смехотворных уловок, что фокуснику просто стыдно признаться, как он это делает».

Именно так в сжатом виде звучит парадокс сценической магии.

Не только фокусники, но и зрители привыкли считать, что номер будет безнадежно «испорчен», если тайна его исполнения станет явной. Людям по душе атмосфера загадочности, которая царит на представлении; они вовсе не жаждут ее нарушить, хотя все не прочь узнать, что именно было проделано у них на глазах.

Фокусник, естественно, хочет сохранить свои тайны, чтобы и дальше безбедно существовать за счет кассовых сборов, и этого тоже никто не оспаривает. Однако артист, таким образом, становится жертвой собственной скрытности. Чем дольше номер держится в репертуаре, чем чаще исполняется, чем большее число людей с необходимостью вводит в заблуждение, тем важнее хранить его секрет.

Со временем известность растет. Ширится зрительская аудитория, конкуренты наступают на пятки, а то и перенимают весь номер целиком, и артист пускается во все тяжкие, чтобы не стоять на месте, чтобы проверенный иллюзион с годами казался все более сложным и таинственным. Но суть его не меняется. Секрет остается мелким и тривиальным, а вместе с ростом популярности растет и угроза разоблачения. Таинственность превращается в манию.

Итак, ближе к делу.

Чтобы сохранить свою тайну, я всю жизнь имитировал некий физический дефект (конечно, не в буквальном смысле – это лишь образная дань памяти Цзин Линь-Фу). Теперь я достиг того возраста и, не скрою, того уровня благосостояния, когда сцена уже перестала быть золоченой приманкой. Спрашивается, должен ли я, фигурально говоря, «прихрамывать» до конца своих дней, чтобы сохранить тайну, о которой мало кто знает и почти никто не задумывается? Не вижу в том особого смысла; по этой причине я и решил, вопреки своему обыкновению, описать «Новую транспортировку человека». Так называется иллюзион, который сделал меня всемирно знаменитым и, по мнению знатоков, до сих пор остается непревзойденным образцом искусства сценической магии.

Сначала будет описано то, что видно из зала.

Затем последует Развенчание Тайны.

С этой целью и начато мое повествование. А теперь, как договорились, я откладываю перо в сторону.

* * *

Вот уже три недели, как я не возвращался к своим записям. Не стану вдаваться в объяснения и не стану выслушивать объяснений. Тайна «Новой транспортировки человека» принадлежит не мне одному, и тчк. Что за безумие меня преследует?

Тайна, много лет служившая мне верой и правдой, выдержала нешуточные покушения и т. п. Я охранял ее всю жизнь. Разве не этому служит моя Конвенция?

Почему же сейчас я пишу, что все подобные секреты тривиальны? Тривиальны! Выходит, я посвятил свою жизнь *тривиальностям*?

Две трети моего трехнедельного молчания прошли в мучительных раздумьях на эту тему.

Эти записки (дневник, рассказ или как их называть?) сами по себе стали, как я уже говорил, результатом моей Конвенции. Хорошо ли я обдумал последствия?

Конвенция требует, чтобы я принимал на себя ответственность за любое свое высказывание, пусть даже опрометчивое или вырвавшееся по неосторожности. Так я и поступаю – словно произнес эти слова сам. Точно так же я поступаю и в тех случаях, когда роли меняются; по крайней мере, хочется думать, что я веду себя именно так. Конвенция требует единства целей, действий, высказываний.

Поэтому я не стану добиваться, чтобы я вернулся к началу и вычеркнул строки, которые сулят раскрытие тайны. (По этой же причине я не смогу впоследствии вычеркнуть то, что я пишу сейчас.)

Но раскрыть мою тайну не представляется возможным; этот вопрос вообще не подлежит обсуждению. Придется еще какое-то время имитировать «хромоту».

Не хочется даже думать, что Руперт Энджер и ныне ходит по земле! Иногда мне и вправду удается о нем забыть, погрузить этого злокозненного негодяя в пучину забвения, но он до сих пор коптит небо. Пока он жив, я не могу быть спокоен за свою тайну.

Говорят, он до сих пор выступает со своей версией «Новой транспортировки человека» да еще позволяет себе бросать в зал возмутительные реплики, как то: «Этот номер многие хотят повторить, но никто не способен покорить». У меня сердце кровью обливается от таких инсинуаций; не меньше досаждают мне и др. сообщения, которые поступают от сведущих лиц. Энджер нашел новый способ транспортировки, и ходят слухи, будто номер смотрится неплохо. Правда, у Энджера есть большой недостаток: медлительность. Как он ни пыжится, ему не удастся превзойти меня в скорости! Представляю, как он лезет вон из кожи, пытаясь выведать мою тайну!

Конвенция должна остаться в силе. Никаких признаний!

* * *

Раз уж здесь всплыло имя Энджера, придется рассказать, как он вверг меня в серьезные неприятности и как началась наша вражда. Не собираюсь скрывать – это и без того вскоре станет ясно, – что первый камень бросил именно я.

Впрочем, меня сбива с толку приверженность высоким, как мне казалось, принципам, а когда мне открылось содеянное, я попытался искупить свою вину. Вот как это было.

Вокруг профессии иллюзиониста подвизаются отдельные личности, рассматривающие престижизитацию как крючок, на который ловится и ротозей, и богатей. Они используют ту же бутафорию и технику, что и настоящие иллюзионисты, но делают вид, что воистину творят «чудо».

Кто-то может подумать: невелика разница между таким вот ловкачом и профессиональным иллюзионистом, играющим роль волшебника. Однако их разделяет глубокая пропасть.

Я, например, в начале представления иногда показываю номер, который называется «Китайские кольца». Небрежно держа в руках эти самые кольца, выхожу на середину освещенной сцены. Ни слова не говорю о том, что собираюсь делать. Зрители видят (или полагают, что видят; или же согласны полагать, что видят) десяток блестящих металлических колец. Несколько человек из зала получают возможность потрогать и осмотреть каждое кольцо в отдельности, а потом объявить всем присутствующим, что оно цельнолитое, без прорезей и сочленений. После этого я забираю у добровольных помощников все кольца и, к вящему изумлению публики, мгновенно соединяю их в цепь, которую поднимаю над головой для всеобщего обозрения. Позволив кому-нибудь из зрителей ткнуть пальцем в любое место цепи, я соединяю и разъединяю звенья, причем именно в том месте, которое мне указано. Составляю из нескольких колец какую-нибудь фигуру и так же быстро ее разбираю, нанизываю их себе на

руку или на шею. В конце номера зрители видят (или полагают, что видят... см. выше) у меня в руках десяток целехоньких, разрозненных колец.

Как это достигается? Отвечаю: за счет многолетней практики. Здесь, конечно, есть свой секрет, и, поскольку номер по-прежнему широко исполняется, я не вправе вот так, походя, раскрывать его технику. Это трюк, видимость, иллюзия, где ценится не тайна, якобы мистическая, а мастерство, блеск и артистизм исполнения.

А теперь возьмем другого фокусника. Владея той же техникой, он выполняет тот же самый трюк, но во всеуслышание клянется, что соединяет и разъединяет кольца при помощи волшебных чар. Разве к его выступлению станут подходить с теми же мерками? От него будут ждать не мастерства, а связей с потусторонними силами. Публика увидит перед собой не артиста, а чародея, над которым не властны законы природы.

Если в зале окажется профессиональный иллюзионист, такой, как я, он непременно скажет зрителям: «Да это же обыкновенный фокус! Просто кольца не такие, какими кажутся с виду. Вы видели совсем не то, что подумали».

На что чудотворец ответит (лицемерно): «Зрители увидели сверхъестественное. Если вы считаете, что я просто показал фокус, то потрудитесь в открытую объяснить, как это делается».

И тут я приду в замешательство. Профессиональная честь не позволит мне разгласить секреты трюка.

Так что в глазах публики чудо останется чудом.

Когда я делал первые шаги на эстраде, в моду вошло общение с духами, или «спиритизм». Иногда сеансы устраивались прямо в театрах, при большом скоплении публики, но чаще – негласно, в артистических студиях или частных домах. Все эти священнодействия объединяло нечто общее. Они якобы давали надежду престарелым и скорбящим, внушая им мысль о существовании загробной жизни. За такое внушение люди выкладывали немалые деньги.

С точки зрения иллюзиониста-профессионала, спиритические сеансы отличались двумя существенными особенностями. Во-первых, спиритисты использовали шаблонные сценические приемы. Во-вторых, они неизменно вещали о сверхъестественной природе своего действия. Иными словами, во время сеансов звучали лживые заявления о «потусторонних силах».

Это больше всего действовало мне на нервы. Поскольку такие трюки мог бы с легкостью исполнить любой иллюзионист, мне было по меньшей мере досадно слышать, как их относят к паранормальным явлениям, которые «доказывают», что загробный мир существует, что духи способны являться живым, что мертвые способны говорить и тому подобное. Все это ложь, но ее трудно опровергнуть.

Так вот, в 1874 году я приехал в Лондон. При содействии Джона-Генри Андерсона и под покровительством Невила Маскелайна я начал искать работу в эстрадных театрах и мюзик-холлах, которыми богат столичный город. Иллюзионные номера пользовались большим спросом, но и фокусников-профессионалов было в избытке, поэтому пробиться в их ряды оказалось нелегко. Подписав ряд скромных контрактов, я занял какое-никакое место в мире иллюзиона. Хотя публика всегда хорошо принимала мои номера, путь к вершине был долгим. До воплощения «Новой транспортировки человека» было еще далеко, но, признаться честно, задумал я этот уникальный номер еще в Гастингсе, когда стучал молотком в отцовских мастерских.

Фокусники-спириты того времени обычно рекламировали свои услуги в газетах и журналах, и зачастую их деятельность получала широкий отклик. Спиритизм преподносился как более захватывающая, сильная и *действенная* форма магии по сравнению со сценической. Если артист достаточно искушен, чтобы ввести молодую женщину в транс и заставить ее парить в воздухе, читалось между строк, то почему бы не использовать эти умения с большей пользой – для общения с умершими? И правда, почему?

Глава 6

Имя Руперта Энджера было мне знакомо и прежде. Откуда-то из Северного Лондона он присылал самоуверенные и многоречивые письма в профессиональные журналы по иллюзионному искусству. Обычно он ставил своей целью заклеить презрением «законодателей мод» (как он выражался) старой закваски, чью таинственность и куртуазность он занудно критиковал как пережиток ушедшей эпохи. Хотя я и сам выступал именно в такой манере, мне совершенно не хотелось с ним полемизировать, но некоторые мои собратья по артистическому цеху не устояли перед его провокациями.

Одна из его теорий, если взять весьма типичный пример, гласила: иллюзионист, во всеуслышание заявляющий о своем мастерстве, должен быть готов «выйти в круг». Иначе говоря, фокусник будет со всех сторон окружен зрителями и, следовательно, лишится защиты проспектиума, который отделяет его от зала. Кто-то из моих именитых коллег в ответ деликатно указал на тот очевидный факт, что даже при самой тщательной подготовке номера среди зрителей всегда найдутся такие, кто раскусит секрет фокусника. Энджер обрушился на этого корреспондента с насмешками. Во-первых, писал он, сценический эффект только усиливается, если фокусника видно со всех сторон. Во-вторых, если горстка зрителей все равно разгадывает секрет, даже когда фокусника не видно со всех сторон, то их можно просто сбросить со счетов. Коль скоро удастся заинтриговать пять сотен зрителей, говорил он, пятеро умников погоды не делают.

Профессионалы расценивали такие теории чуть ли не как ересь, но не потому, что считали сценические секреты неприкосновенными (именно на это намекал Энджер), а потому, что воззрения Энджера были слишком радикальными и безответственными с точки зрения устоявшихся традиций.

Вот таким способом Руперт Энджер добился известности, но, наверно, не самой желанной. Мне частенько доводилось слышать насмешливо-недоуменный вопрос: почему он сам крайне редко дает публичные представления и лишает коллег удовольствия лицезреть его новаторскую и, без сомнения, блестящую технику трюка?

Как уже говорилось, я не стал ввязываться в полемику и не проявлял особого интереса к Энджеру. Однако тут вмешалось само Провидение.

Случилось так, что одна из моих теток по отцовской линии, которая жила в Лондоне, потеряла мужа и решила от безысходности обратиться к спириту. Она вознамерилась устроить сеанс у себя дома. Мне стало об этом известно из письма матери, которая постоянно держала меня в курсе домашних дел, но на этот раз ее сообщение вызвало у меня профессиональное любопытство. Я тут же связался с тетушкой, принес ей запоздалые соболезнования и вызвался быть рядом с ней, когда она будет искать утешения.

В условленный день она пригласила меня к обеду, что оказалось большой удачей, потому что спиритист приехал на целый час раньше назначенного срока. В доме началась паника. Повидимому, он заранее спланировал такой эффект, чтобы под шумок совершить необходимые приготовления в комнате, отведенной для сеанса. С ним явились двое помощников, молодой человек и девушка; они сообща задрапировали окна черными шторами, сдвинули к стене лишнюю мебель, а на освободившееся место поставили ту, что привезли с собой; скатали ковер, обнажив половицы, и внесли деревянный ящик, вид и размеры которого недвусмысленно свидетельствовали о подготовке обычного сценического трюка. Я старался не попадаться на глаза спиритисту, чтобы тот не заподозрил неладное и, не ровен час, меня не узнал. Всего неделю назад в газетах появилась пара благосклонных рецензий на мои выступления.

Спиритист был отнюдь не старым человеком, примерно моего возраста, и не отличался могучим телосложением; узкий лоб закрывали темные волосы. У него был настороженный

взгляд, точно у зверя, идущего по следу. Движения его рук были точны, как у всякого опытного prestidigitator. Его ассистентку отличали стройность и грация (из-за ее внешних данных я решил – но, как выяснилось, ошибочно, – что она выступает с ним на сцене), а также волевое, привлекательное лицо. Она была одета в темное платье и почти все время молчала. Второй ассистент, совсем еще молодой, но атлетически сложенный парень, с копной соломенных волос и мрачной физиономией, без умолку чертыхался и брюзжал, ворочая громоздкую мебель.

К тому времени, когда все приглашенные были в сборе (тетка позвала человек восемь-девять знакомых – как я полагаю, для того, чтобы хоть немного облегчить бремя расходов), спиритист уже завершил подготовительную работу и вместе с помощниками молча сидел в той же комнате. У меня не было никакой возможности осмотреть их реквизит.

Сеанс в общей сложности – с прамбулой и драматическими паузами – длился более часа; он состоял из трех иллюзионных частей, тщательно рассчитанных на создание напряжения, нагнетание нервозности и повышение внушаемости.

Вначале спиритист устроил целый спектакль с вращением стола; означенный стол крутился сам по себе, а потом пугающе завалился набок, отчего почти все присутствующие оказались на голых половицах. Гостей затрясло – они уже были готовы ко всему. Тогда с помощью молодой сообщницы спиритист изобразил гипнотический транс. Ассистенты завязали ему глаза, заткнули рот кляпом и, стянув веревками по рукам и ногам, поместили его, совершенно беспомощного, в деревянный ящик, откуда вскоре начали исходить потусторонние сигналы, жуткие и необъяснимые: ослепительные вспышки света, вой трубы, звон цимбал и стук кастаньет. Наконец из недр ящика вырвалась зловеющая «эктоплазменная материя», которая поплыла по комнате, озаряя все вокруг таинственным светом.

Освободившись от пут и выбравшись из ящика (впрочем, когда дверцы открыли, все веревки и узлы по-прежнему были у него на руках и ногах), непостижимым образом стряхнув с себя гипнотический транс, медиум приступил к своему главному делу. После краткой, но цветистой речи об опасностях сношений с миром духов он намекнул, что результат того стоит, и опять впал в транс, чтобы установить контакт с потусторонними силами. Прошло совсем немного времени, и он возвестил присутствующим о появлении духов умерших родственников; от одной стороны к другой были переданы слова утешения.

* * *

Как же молодой спиритист достиг такого эффекта? Я уже говорил, что меня сдерживают соображения профессиональной этики. В тот момент я раскрыл лишь самые общие черты этих явлений (и сейчас не смогу сказать большего), которые на поверку оказались иллюзионными трюками.

Вращение стола – даже не трюк (хотя при необходимости – как в том случае – и выполняется фокусниками). Существует малоизвестное физическое явление: десять-двенадцать человек, собравшись за круглым деревянным столом, тяжестью ладоней давят на столешницу; если им внушить, что стол вот-вот начнет вращаться, он через пару минут и впрямь станет подрагивать! Стоит людям ощутить это движение, как стол неизбежно накрывается то в одну сторону, то в другую. Остается только уловить момент, когда ножка стола оторвется от пола, умело подтолкнуть ее носком туфли – и стол с устрашающим грохотом завалится набок. Если повезет, он увлечет за собой едва ли не всех участников, что вызовет всеобщее смятение, но увечий не причинит.

Само собой разумеется, стол, находившийся в тетушкиной комнате, доставили в дом вместе с другим реквизитом. Там, где его ножки соединялись с центральной опорой, снизу был предусмотрительно оставлен небольшой зазор.

Работу с ящиком обрисую лишь в самых общих чертах: опытный иллюзионист без труда избегается от пут, которые с виду кажутся прочными, особенно если узлы завязаны его же ассистентами. Оказавшись внутри ящика, он в считанные секунды ослабит веревку и начнет подавать самые замысловатые потусторонние сигналы.

Что же касается «загробных» контактов, ради которых и был устроен сеанс, то здесь также существуют стандартные приемы, доступные любому уважающему себя фокуснику.

* * *

Я напросился в дом к тетушке, чтобы удовлетворить профессиональное любопытство, но вместо этого, к своему стыду и разочарованию, ушел оттуда в праведном гневе. Весьма заурядные иллюзионные трюки были пущены в ход для обмана несчастных, обезумевших от горя людей. Хозяйка дома уверовала, что любимый муж послал ей слова ободрения из загробного мира; она сызнала пережила свою потерю и так разнервничалась, что вынуждена была удалиться к себе в спальню. Не меньшее потрясение испытал и кое-кто из родни, слышав голоса покойных близких. Но я-то знал – остальные, конечно, не догадывались, – что это просто обман.

Меня согревала лишь одна мысль: теперь можно и нужно разоблачить этого шарлатана, дабы он прекратил сеять зло. У меня было сильное искушение поставить его на место еще во время сеанса, но я растерялся от его напористой манеры. Пока они вдвоем с помощницей собирали реквизит, мне удалось перекинуться парой слов с мрачным ассистентом и выманить у него визитную карточку спиритиста.

Так я узнал имя и методы работы человека, который впоследствии не упускал возможности отравить мне жизнь:

Руперт Энджер
Ясновидящий, медиум
Спиритические сеансы
Гарантия полной конфиденциальности
Сев. Лондон, Идмистон – Виллас, дом 45

По молодости лет я был неопытен, слепо верил в высокие, как мне грезилось, идеалы (о чем по прошествии времени горько пожалел) и поэтому не сознавал, насколько лицемерна моя позиция. Я решил устроить засаду на мистера Энджера, чтобы разоблачить его мошенничество. Вскоре мне стало известно – не буду уточнять, каким именно образом, – где и когда назначен его следующий спиритический сеанс.

Как и в прошлый раз, сборище намечалось в частном доме на окраине Лондона, но теперь мне пришлось исхитриться, чтобы войти в доверие к родственникам (умершая была матерью семейства). Придя к ним накануне сеанса, я назвалса компаньоном Энджера и представил дело так, будто «медиум» не сможет обойтись без моей помощи. Убитые горем домочадцы ничего не заподозрили.

На другой день, загодя притаившись вблизи их дома, я убедился, что досрочное прибытие Энджера, как и в день визита к моей тетушке, было не случайным; можно сказать, оно составляло важнейший предварительный этап. Я исподтишка наблюдал, как спиритист и его помощники выгружали из повозки реквизит и перетаскивали его в дом. Примерно через час, когда до сеанса оставалось совсем немного времени, вошел и я. В комнате царил полумрак; вся бутафория уже стояла на своих местах.

Сеанс, как и прежде, начался с вращения стола; волею судьбы я оказался рядом с Энджером, когда он готовился приступить к делу.

- Мы с вами, часом, не знакомы, сэр? – прошептал он с укоризной.
- Не припоминаю, – ответил я с напускным равнодушием.
- Поведились ходить на сеансы?
- Как и вы, – отрезал я.

Ответом мне стал испепеляющий взгляд, но, поскольку все уже были в сборе, ему ничего не оставалось, кроме как начать действо. Полагаю, он сразу догадался, что я намерен его разоблачить, но надо отдать ему должное: работал он с прежним блеском.

Я выжидал. Обнародовать секрет вращения стола было бы слишком мелко, но вот когда из ящика стали доноситься мистические сигналы, у меня возникло сильное искушение вскочить с места, распахнуть дверцу и показать, кто на самом деле издает эти звуки. Вне сомнения, всем бы стало ясно: мошенник, ослабив путы, сам дудит в трубу и стучит кастаньетками. Но спешить не следовало. Я рассудил, что лучше будет дожидаться кульминации эмоционального напряжения, которая наступала в момент обмена так называемыми духовными посланиями. Энджер использовал клочки бумаги, свернутые шариками. Члены семьи заранее написали на них имена, названия предметов, семейные тайны и прочее; прижимая бумажные комочки ко лбу, он делал вид, будто читает эти «духовные послания».

Тут настал мой черед. Вскочив из-за стола, я разорвал цепь рук, которая призвана была создавать психическое поле, и дернул драпировку с ближайшего окна. В комнату хлынул солнечный свет.

- Какого черта?.. – начал было Энджер.
- Дамы и господа! – вскричал я. – Он самозванец!
- А ну, сядьте на место, сэр! – Ко мне метнулся его помощник.
- Это не более чем ловкость пальцев! – с пафосом продолжал я. – Смотрите: у него одна рука под столом! Оттуда он и вытаскивает послания, которые вам читает!

Меня скрутил здоровяк-ассистент, но я успел заметить, как Энджер дернулся и виновато спрятал приготовленную для трюка бумажку. Тогда отец семейства тоже вскочил из-за стола и с перекошенным от горя и злобы лицом принялся честить меня на все лады. Кто-то из детей поднял рев, и к нему тут же присоединились остальные.

Пытаясь вырваться, я услышал жалобный голос старшего мальчика:

- Где же мама? Она ведь была тут! Она была тут!
- Это шарлатан, мошенник и лжец! – выкрикнул я от самой двери.

Меня выталкивали за порог спиной вперед. Краем глаза я видел, как девушка-ассистентка побежала к окну, чтобы водрузить на место драпировку. Неистово орудуя локтями, я чудом вырвался из железных ручищ, ринулся ей наперерез, грубо схватил ее за плечи и оттолкнул в сторону. Она растянулась на полу.

- Он не умеет говорить с усопшими! – закричал я. – Вашей матушки здесь нет!

В комнате начался бедлам.

- Задержите его! – Вопль Энджера перекрыл все остальные голоса.

Верзила опять скрутил мне руки и развернул лицом к присутствующим. Девушка так и не смогла подняться; она смотрела на меня снизу вверх, не помня себя от злости. Энджер не отходил от стола; он держался прямо, уничтожая меня взглядом, но внешне сохранял присутствие духа.

- Я вас знаю, любезный, – отчеканил он. – Знаю даже ваше имя, будь оно проклято. Отныне я буду очень внимательно следить за вашими выступлениями. – Тут он обратился к своему помощнику. – Вышвырнуть его!

Не успел я опомниться, как вылетел за дверь и распластался на тротуаре. Пытаясь по возможности сохранять достоинство, я отряхнул костюм и под любопытными взглядами прохожих быстро зашагал прочь.

В течение нескольких дней меня согревало чувство собственной правоты: как-никак, у безутешных родственников хотели обманом вытянуть деньги, а искусство иллюзиониста использовали в неблагоприятных целях. Впрочем, очень скоро в мою душу закрались неизбежные сомнения.

Мне пришло в голову, что на сеансах Энджера люди и вправду получали утешение, каковы бы ни были его истоки. У меня перед глазами всплывали невинные детские лица, на краткий миг озарившиеся верой, что покойная матушка шлет им слова ободрения. Я не мог забыть их улыбки и счастливые взгляды.

Так ли уж это отличалось от желанной мистификации, ради которой публика устремляется в мюзик-холл на выступления иллюзиониста? Если и отличалось, то в лучшую сторону. Разве честнее брать деньги за эстрадное представление, чем за такой вот номер?

С месяц я терзался чувством вины, и в конце концов меня так замучила совесть, что я решил действовать: написал покаянное письмо Энджеру, принес ему нижайшие извинения.

Ответ не заставил себя ждать – мое собственное письмо вернулось ко мне изорванным в клочки; в конверте также лежала язвительная записка, предлагавшая соединить эти обрывки магическими средствами, подвластными только моей персоне.

Прошло всего два дня, и во время моего выступления в «Льюишем-Эмпайр» он вскочил с места в первом ряду бельэтажа и гаркнул на весь зал:

– Его ассистентка прячется за кулисой, слева от ящика!

Разумеется, так оно и было. У меня оставался выбор: либо дать занавес и ретироваться со сцены, либо продолжить номер, с помпой явить публике ассистентку и услышать жидкие хлопки. В первом ряду бельэтажа зияло пустое кресло, будто щербина от вырванного зуба.

Так началась вражда, которой не видно конца.

Оправданием мне могли служить только горячность молодости, ложно понятая профессиональная честь и незнание светских приличий. Но Энджер тоже не без греха: мои извинения, хотя и слегка запоздалые, были совершенно искренними, отвергнуть их мог только завзятый склочник. Впрочем, Энджер и сам был еще молод. Трудно разобраться в событиях того времени, тем более что наше противостояние длится уже много лет и принимает самые уродливые формы.

Если я тогда поступил опрометчиво, то сразу сделал и примирительный шаг, а вот Энджер все эти годы только разжигает вражду. Сколько раз, устав от его происков, я собирался заново начать и жизнь, и карьеру, но не тут-то было: Энджер каким-то образом добирается до моего реквизита, и номер идет наперекосяк. Однажды вода, которая у меня превращается в красное вино, так и осталась водой, в другой раз вместо гирлянды флажков я театральным жестом извлек из цилиндра голую веревку, а в третий – ассистентка, которой надлежало взмыть в воздух, так и осталась, к моему ужасу, бревном лежать на кушетке.

Был еще случай, когда у входа в театр на всех моих афишах намалевали: «У него меч из картона», «Он достанет из колоды даму пик», «Фокус с зеркалом: следите за его левой рукой» и что-то еще в том же духе. Зрители шли на представление мимо таких вот глумливых надписей.

Возможно, это следовало расценивать даже не как выпады, а как простые розыгрыши, но они могли нанести серьезный ущерб моей сценической репутации, о чем Энджер прекрасно знал.

Откуда мне известно, что это было делом его рук? Иногда он и сам обнаруживал свою причастность: когда мне срывали номер, Энджер неизменно оказывался в зале. При малейшей заминке он вскакивал с места, издавая негодующий возглас. Но главное в другом: провокатор исповедовал тот же взгляд на иллюзионное искусство, что и Энджер. Как мне стало известно, он ставил во главу угла секрет фокуса, или «обманку». Если для выполнения номера требовалась какая-нибудь потайная полочка, укрытая за рабочим столом фокусника, то Энджер

сосредоточивался исключительно на ней, даже не допуская, что изобретательный артист может использовать реквизит как угодно. Каковы бы ни были истоки нашей взаимной неприязни, в основе всех разногласий лежало порочное и ограниченное понимание техники трюка, присущее Энджеру. Чудо заключается не в технике, а в искусстве фокусника.

По этой причине «Новая транспортировка человека» осталась единственным номером, против которого Энджер ни разу не совершил публичного выпада. Эта иллюзия оказалась ему не по зубам. Он просто-напросто не понимал, как достигается такой эффект, отчасти потому, что я бережно хранил свою тайну, но главным образом из-за моей манеры исполнения.

Глава 7

Каждый номер состоит из трех этапов.

Первый этап – подготовка: зрителю намекают, объясняют, внушают, что ему предстоит увидеть. Реквизит уже стоит на сцене. Иногда в помощь артисту приглашаются добровольцы из публики. Во время подготовки фокусник всеми средствами отвлекает внимание зрителей.

Затем исполнение – сплав многолетнего опыта и артистического таланта фокусника.

Наконец, третий этап, так называемый «эффект», или «престиж», – это продукт магии. Если из шляпы достают кролика, которого раньше как бы не существовало в природе, то он и будет «престижем» этого фокуса.

Среди иллюзионных номеров «Новая транспортировка человека» стоит особняком, потому что зрителей, критиков и моих собратьев по профессии интригуют в первую очередь подготовка и исполнение, тогда как меня, иллюзиониста, более всего занимает престиж.

Иллюзионные номера делятся на разные категории, или типы, и таких категорий всего шесть (не считая гипноза – это особая, специализированная область). Любой фокус, который когда-либо исполнялся, подпадает под одну или более из следующих категорий.

1. *Возникновение*: магическое сотворение предмета или живого существа из ничего.
2. *Исчезновение*: магическое обращение предмета или живого существа в ничто.
3. *Трансформация*: кажущееся превращение одного предмета в другой.
4. *Перемещение*: кажущееся изменение местонахождения двух или более предметов.
5. *Опровержение физических законов*: например, иллюзорное преодоление гравитации, продевание одного твердого тела через другое, извлечение большого числа предметов или людей из слишком малого на вид объема.
6. *Скрытая движущая сила*: создание иллюзии самостоятельного движения предметов, например, когда загаданная карта мистическим образом выдвигается из колоды.

Откуда ни посмотри, «Новая транспортировка человека» – не вполне типичная иллюзия, потому что подпадает по меньшей мере под четыре из вышеназванных категорий, тогда как большинство номеров принадлежит к одной или двум. Правда, в Европе мне довелось видеть замысловатый трюк, совмещавший в себе признаки целых пяти категорий.

Наконец, в арсенале фокусника есть еще различные иллюзионные приемы.

Их классифицировать труднее: когда дело доходит до техники, опытный иллюзионист не брезгует ничем. Техника трюка может быть совершенно примитивной: например, размещение одного предмета позади другого с целью сокрытия его от глаз публики; а может быть и чрезвычайно сложной, требующей предварительной подготовки сцены и участия целой команды ассистентов и «подсадных».

Некоторые приемы давно стали традиционными. Можно использовать «заряженную» колоду, из которой выдвигается одна или несколько нужных карт, или пестрый задник, на фоне которого незаметно проводятся многие манипуляции, или черный стол, который трудно разглядеть из зала; в ход идут и «куклы», и дублеры, и подсадки, и подмены, и обманки. А фокусник с богатой фантазией обязательно придумает что-нибудь оригинальное. Любое техническое изобретение, любое открытие, даже увиденная в магазине незнакомая игрушка обязательно рождает у него вопрос: «Может ли это пригодиться для нового фокуса?» Так, в последние годы для постановки номеров использовались поршневой двигатель, телефон, электричество, а также игрушечная дымовая шашка доктора Уорбла, с помощью которой был достигнут весьма памятный эффект.

Для фокусника магия не составляет тайны. Мы применяем варианты стандартных методов. Номер, который завораживает публику новизной, рассматривается профессионалами только с точки зрения техники. Если кто-то разработал новаторский иллюзион, его непременно переимут другие – это всего лишь вопрос времени.

Любая иллюзия объяснима: для ее достижения используется потайной отсек, умело развернутое зеркало, подсадка ассистента и выбор его в качестве «добровольца», а то и простой отвлекающий маневр.

А теперь я поднимаю руки – пальцы разведены веером, между ними явно ничего не спрятали – и говорю: иллюзион «Новая транспортировка человека» похож на любой другой, его тоже можно объяснить. Однако благодаря сочетанию простого, но тщательно охраняемого секрета, многолетнего опыта и пары отвлекающих маневров вкуче с традиционными приемами этот номер стал краеугольным камнем моего искусства и всей сценической карьеры. А Энджер, как ни бился, не сумел его раскусить, о чем я и собираюсь поведать дальше.

* * *

Мы с Сарой и ребятишками немного отдохнули на Юж. побережье; я брал с собою эту тетрадь.

Сначала заехали в г. Гастингс, где я очень давно не бывал, но долго там не задержались. Город приходит в упадок; боюсь, этот процесс уже необратим. Мастерская отца, проданная после его смерти, опять сменила владельца. Теперь там пекарня. В долине за нашим домом выросло множество новых домов, а вскоре здесь пройдет ж.-д. ветка на Эшфорд.

Из Гастингса поехали в Бексхилл. Потом в Истборн. Оттуда – в Брайтон. Наконец, в Богнор.

Первое, что я хочу сказать по поводу этих записей: это я пытался посрамить Энджера, а я был им посрамлен. Помимо этой детали, которая по большому счету несущественна, мой рассказ вроде бы точен, даже в иных деталях.

Я подробно комментирую свой секрет, тем самым придавая ему особое значение. В этом мне видится некоторая ирония – после всех моих рассуждений о тривиальности большинства иллюзионных секретов.

Однако мой секрет, как я считаю, отнюдь не тривиален. Разгадать его, м. б., несложно, и Энджеру это, скорее всего, удалось, вопреки всему, что тут написал я. Да и нек. другие, возможно, поняли.

Видимо, любой, кто читает эту историю³, тоже сумеет додуматься.

Зато никто не догадается, как этот секрет влияет на мой *престиж*. В том-то и кроется истинная причина, по которой Энджер никогда не узнает всей тайны, если только я сам не подскажу ответ. Ему не дано представить, до какой степени вся моя жизнь определяется сохранением тайны. Вот в чем суть.

Поскольку процесс создания этих записей пока находится под моим контролем, я расскажу, каким видится этот иллюзион из зрительного зала.

³ Пока не могу для себя решить, кому адресован этот рассказ. Кто такие эти «потомки», для которых я пишу с полным знанием дела? Предназначена ли эта история для публикации и распространения среди нашего профессионального братства? Тогда надо опустить множ-во подробностей личного свойства. Нек-е мои коллеги (в т. ч., разумеется, Дэвид Девант и Невил Маскелайн) обнародовали технические описания своих номеров, а мой великий наставник, Андерсон, регулярно продавал мелкие профессиональные секреты, чтобы оплачивать счета. Значит, прецедент имеется. Такого рода огласка непредосудительна, но, думается, мои записи должны увидеть свет только после кончины Энджера (т. е. после его безусловной кончины). Я бы сказал, эта история – не для широкой публики.

* * *

«Новая транспортиция» с годами видоизменяется, но техника трюка остается прежней.

Вначале я использовал два ящика, затем два шкафа, два стола и, наконец, две скамьи. Один предмет ставится на авансцене, второй – у задника. Точность их расположения роли не играет, на разных площадках реквизит устанавливается по-разному, в зависимости от формы и размеров сцены. Непреложно только одно: расстояние между этими парными предметами должно быть максимальным. Весь реквизит ярк о освещен и хорошо просматривается из зала с первой минуты номера до последней.

Опишу первоначальный и, соответственно, самый простой вариант, когда я еще использовал закрытые ящики. В то время иллюзион назывался просто «Транспортиция человека».

Как и ныне, этот номер был гвоздем всей программы; изменились только незначительные подробности. Поэтому рассказывать буду так, словно до сих пор показываю на сцене этот ранний вариант.

Либо униформисты, либо ассистенты, а то и волонтеры из публики выкатывают на сцену оба ящика и показывают, что они пусты. Волонтерам разрешается пройти сквозь них, открыв не только дверцы, но и задние стенки, которые крепятся на петлях, а также заглянуть снизу под днище. После этого каждый ящик устанавливается на свое место и закрывается.

После краткой шутильной преамбулы (излагаемой с моим коронным французским акцентом) о том, что иногда весьма желательно быть в двух местах одновременно, я подхожу к ближайшему ящику – будем считать его первым – и открываю дверцу.

Разумеется, внутри все так же пусто. Я беру со стола цветастый надувной мяч и пару раз стучу им об пол, чтобы продемонстрировать его прыгучесть. Вхожу в первый ящик и временно оставляю дверцу открытой.

Бросаю мяч об пол в сторону второго ящика.

Изнутри *захлопываю* дверцу первого ящика.

Изнутри *распахиваю* дверцу второго ящика, выхожу оттуда на сцену и ловлю прыгающий в мою сторону мяч.

Как только мяч оказывается у меня в руках, первый ящик эффектно раскрывается створками наружу и оседает на пол; все видят, что он пуст.

С мячом в руках я выхожу к рампе на поклоны.

Глава 8

Позвольте мне кратко суммировать историю моей жизни и карьеры вплоть до последних лет прошлого века.

К восемнадцати годам я стал жить самостоятельно, выступая с фокусами в мюзик-холлах. Но даже при содействии мистера Маскелайна найти работу было нелегко; прошло уже несколько лет, а я так и не добился ни славы, ни богатства, ни упоминания в афишах. В основном ассистировал другим фокусникам, а за квартиру расплачивался из тех денег, которые зарабатывал изготовлением ящиков и другого иллюзионного реквизита. Отцовские уроки столярного дела не пропали даром. Среди иллюзионистов я прослыл безотказным изобретателем и конструктором.

В 1879 году умерла моя матушка, а годом позже не стало и отца.

К концу 1880-х годов, когда мне было слегка за тридцать, я взял себе сценический псевдоним *Le Professeur de la Magie* и поставил собственную программу, включив в нее «Транспортировку человека» – один из ранних вариантов.

Хотя исполнение самого аттракциона давалось без труда, меня долгое время не удовлетворяли сценические эффекты. Мне не давало покоя, что закрытые ящики лишены таинственности: они не создают у публики ощущения опасности и непостижимости происходящего. Для целей иллюзии такой антураж слишком банален. Шаг за шагом я совершенствовал этот номер: сначала стал использовать шкафчики меньшего размера, в которые едва мог втиснуться; потом столы с маскирующими откидными досками; наконец, в период триумфального шествия «открытой» магии, которую всячески приветствовали в профессиональных кругах, задействовал плоские скамьи, откуда мое тело было хорошо видно из зала вплоть до момента трансформации.

Но в 1892 году у меня созрело решение, которое я столь долго искал. Оно пришло исподволь и словно посеяло семена, из которых впоследствии проросли долгожданные всходы.

В феврале означенного года в Лондон приехал уроженец какого-то балканского государства, изобретатель по фамилии Тесла; он собирался представить общественности новые эффекты, открытые им в ходе изучения электричества. Не то серб, не то хорват по национальности, Тесла, по сообщениям прессы, говорил с чудовищным акцентом, но тем не менее готовился прочесть цикл лекций для представителей научных кругов. В Лондоне такие мероприятия – не редкость; как правило, они не привлекают моего внимания. Но тут оказалось, что в Америке господина Теслу считали весьма неоднозначной фигурой; без него не обходился ни один научный диспут о природе и использовании электричества, о чем охотно сообщали газеты. Из них-то я и почерпнул кое-какие идеи.

Моим выступлениям всегда недоставало зрелищных сценических эффектов, которые могли бы, с одной стороны, усилить впечатление от «Транспортировки человека», а с другой – затушевать технику трюка. Как сообщалось в колонках новостей, Тесла умел генерировать высокое напряжение, которое давало безопасные искры и вспышки, не вызывающие ожогов.

Тесла уже вернулся в Соединенные Штаты, но его лекции оставили по себе заметный след. Очень скоро в Лондоне, а затем и в других городах состоятельные люди начали понемногу использовать электричество. Тогда оно еще было в диковинку и часто упоминалось в новостях: где-то с его помощью была решена некая задача, где-то выполнена определенная работа и так далее. Вскоре до меня дошли слухи, что Энджер пытается перенять мою «Транспортировку человека», и тогда я решил в очередной раз обновить аттракцион. Надумав использовать для этой цели электричество, я стал присматриваться к содержимому дальних полок в лондонских лавках механических товаров. Мой конструктор Томми Элборн в конце концов помог мне разработать аппаратуру. Потом мы ее долго совершенствовали, дополняя иллюзию

новыми деталями, но, так или иначе, в 1896 году невиданный доселе эффект прочно вошел в программу, получившую название «Новая транспортиция человека». Она произвела настоящий фурор, взвинтила кассовые сборы и породила множество бесплодных догадок по поводу моего секрета. Иллюзион сопровождался ослепительной электрической вспышкой.

* * *

Вернусь немного назад. В октябре 1891 года я женился на Саре Хендерсон, с которой познакомился на благотворительном вечере в ночлежке Армии Спасения. Эта девушка оказалась в числе добровольных помощниц и в антракте по-свойски зашла ко мне на чашечку чаю. Ей запомнились карточные фокусы, которые я показывал в первом отделении, и она стала шутиливо упрашивать меня повторить их для нее одной, надеясь разглядеть, как это делается. Она была так молода и хороша собой, что я уступил, а потом и сам получил огромное удовольствие от ее неподдельного изумления.

Тогда я показывал ей фокусы в первый и последний раз. Наше чувство крепло и затмевало собою мои карточные манипуляции. Мы стали встречаться регулярно и вскоре признались друг другу в любви. Сара прежде не имела никакого отношения ни к мюзик-холлу, ни к варьете; вообще говоря, она происходит из весьма благородного семейства. Ее преданность мне безгранична; когда отец стал грозить, что лишит ее наследства (и, разумеется, осуществил свои угрозы), она осталась со мною, несмотря ни на что.

После свадьбы мы сняли меблированные комнаты в Бейсуотере, и вскоре ко мне пришел успех. В 1893 году мы купили просторный дом в Сент-Джонс-Вуд, где живем по сей день. Тогда же у нас родилась двойня, Грэм и Елена.

Я взял за правило не смешивать работу и семейную жизнь. В то время, о котором идет рассказ, я вел свои дела из конторы и мастерской на Элджин-авеню и никогда не брал Сару на гастроли. Когда же я выступал в Лондоне или готовил новую программу, мы жили вместе с нею дома, в тиши и покое.

Нужно особо ценить благодать домашнего очага в свете того, что случилось позже.
Мне продолжать?

* * *

Думаю, да; непременно. Полагаю, для меня не секрет, что я имею в виду.

* * *

Я дал в театральные журналы объявление о найме ассистентки, потому что моя постоянная помощница, Джорджина Харрис, собралась замуж. Мне всегда внушали ужас те перипетии, которые связаны с приходом нового члена труппы, тем более такого незаменимого, как сценический ассистент. Получив по почте заявление от Олив Уэнском, я не составил определенного мнения насчет ее способностей и поэтому не торопился с ответом.

В письме говорилось, что ей двадцать шесть лет; мне же хотелось нанять девушку помоложе. Далее она писала, что вначале работала профессиональной танцовщицей, а потом перешла в иллюзион. Известно, что многие иллюзионисты охотно берут в ассистентки танцовщиц, гибких и тренированных; что до меня, я всегда старался выбирать девушек, уже имеющих опыт иллюзионных выступлений, а не тех, кто уцепился за случайно подвернувшуюся работу. Так или иначе, письмо Олив Уэнском пришло в такой момент, когда найти подготовленную ассистентку было нелегко, и в конце концов я пригласил ее на просмотр.

Отнюдь не всякая девушка может стать ассистенткой иллюзиониста. Для этого необходимы определенные физические данные. Само собой разумеется, она должна быть молода; если она не наделена природной красотой, то, по крайней мере, в гриме ее лицо должно выглядеть привлекательным. Кроме того, у нее обязательно должно быть стройное, гибкое и сильное тело. Ей придется подолгу замирать без движения, сидеть на корточках, стоять на коленях или лежать скрючившись в тесном ящике, а при появлении на сцене выглядеть совершенно непринужденно и естественно. Но самое главное, от нее требуется беспрекословное повиновение самым причудливым требованиям и невероятным приказам своего патрона, который воплощает задуманную иллюзию.

Как было заведено, просмотр состоялся у меня в студии на Элджин-авеню. Здесь, среди распахнутых шкафчиков, зеркальных кубов и задрапированных ящиков, неизбежно выплывали на свет некоторые секреты моей профессии. Никогда не вдаваясь в объяснения того или иного трюка (разве что этого требовали особенности номера), я все же внушал своим помощникам, что для всего есть разумное обоснование и каждое мое действие вполне целесообразно. Во время исполнения некоторых иллюзий, в том числе и входивших в мой репертуар, использовались ножи, кинжалы или огнестрельное оружие; из зала это выглядело рискованно. К примеру, «Новая транспортировка человека», сопровождаемая электрическими вспышками и клубами дыма, до смерти пугает зрителей первых шести рядов! Вместе с тем мои ассистенты должны были чувствовать себя в полной безопасности. Единственным номером, который держался в строжайшем секрете, оставалась «Новая транспортировка человека»; даже ассистентка, находившаяся вместе со мною на сцене в начале номера, не была посвящена в тайну этой иллюзии.

Отсюда можно заключить, что я работаю не в одиночку; то же можно сказать и обо всех других современных фокусниках. Кроме сценических ассистентов у меня работал Томас Элборн, мой незаменимый конструктор, а также двое нанятых им юных подмастерьев, которые помогали изготавливать и содержать в порядке реквизит. Томас был со мной практически с самого начала. До этого он работал у Маскелайна в Египетском театре.

(Томас Элборн знал мой самый потаенный секрет; иначе он не смог бы работать. Но я ему доверял; иначе я не смог бы работать. Я умышленно выбираю однозначные слова – так легче передать мое однозначное доверие. Томас всю жизнь состоял при фокусниках и уже давно ничему не удивлялся. Всеми своими знаниями из области магии я так или иначе обязан ему. Но при этом за долгие годы нашего сотрудничества, прекратившегося только теперь, с его уходом на покой, он не выдал ни единого чужого секрета – ни мне, ни другим. Только умалишенный мог бы усомниться в его преданности. Томас был уроженцем Лондона – он появился на свет в Тоттенхеме. Состоял в браке, однако детей не нажил. По летам он годился мне в отцы, но я так и не узнал, какова же между нами разница в возрасте. Когда со мною начала выступать Олив Уэнском, ему, видимо, стукнуло семьдесят.)

Решение принять на работу Олив Уэнском созрело практически сразу. У нее была прелестная, точеная фигурка – не долговязая, не широкая в кости. Горделивая посадка головы подчеркивала правильный овал лица. Американка по происхождению, она так и не избавилась от акцента, типичного, по ее словам, для жителей Восточного побережья, хотя уже не первый год работала в Лондоне. Стараясь держаться как можно проще, я представил ее Томасу Элборну и Джорджине Харрис, а затем спросил, может ли она предъявить какие-нибудь рекомендации. При найме персонала это немаловажный момент; рекомендательное письмо от известного иллюзиониста почти всегда играло для меня решающую роль. Олив предъявила две рекомендации: одну дал неизвестный мне фокусник, выступавший на курортах Суссекса и Гемпшира, зато вторую – сам Жозеф Бюатье де Кольта, один из виднейших иллюзионистов того времени. Не скрою, это произвело на меня должное впечатление. Я передал рекомендацию де Кольта Томасу Элборну, чтобы посмотреть на его реакцию.

– И долго вы работали у мсье де Кольта? – спросил я.

– Всего пять месяцев, – ответила она. – У меня был контракт только на период гастролей по Европе.

– Так-так.

После этого вопрос о найме стал чистой формальностью, но мне все равно полагалось проверить ее навыки. Именно для этой цели на просмотр явилась Джорджина: было бы непустимо требовать, чтобы претендентка, даже такая опытная, как Олив Уэнском, демонстрировала свои таланты в отсутствие «дуэньи».

– Вы принесли с собою балетное трико? – спросил я.

– Конечно, сэр.

– Тогда будьте любезны...

Через несколько минут Олив Уэнском, переодевшись в облегающее трико, подошла в сопровождении Томаса к нашему реквизиту, где ей предстояло показать, на что она способна. Появление цветущей девушки из якобы пустого шкафчика – это один из стандартных иллюзионных трюков. Ассистентка должна втиснуться в потайной отсек: чем меньше пространство, тем поразительнее результат. Для вящего эффекта девушку непременно облачают в пышное, яркое платье, расшитое блестками, которые сверкают в огнях рампы. Нам всем сразу стало ясно, что Олив прекрасно знает, что к чему. Сначала Томас подвел ее к «Паланкину» (от которого мы к тому времени практически отказались, ибо трюк получил слишком широкую известность), и нам даже не пришлось ей показывать, где расположен потайной отсек, – она с ходу забралась внутрь.

После этого мы с Томасом решили посмотреть, как она выполняет «Ярмарку тщеславия» – это иллюзия прохождения сквозь зеркало, трюк сам по себе несложный, но требующий от ассистентки значительной ловкости и координации движений. Олив сказала, что ей не доводилось исполнять его на сцене, но стоило нам продемонстрировать ей механизм, как она, ловко изогнувшись, прошла насквозь с похвальной быстротой.

Оставалось только проверить соответствие ее физических данных нашему основному трюку; впрочем, окажись она слишком рослой, мы с Томасом уже были готовы решиться на подгонку части аппаратуры. Но оказалось, что беспокоиться не о чем. Томас поместил ее внутрь ящика, который у нас использовался для номера «Казнь принцессы» (доставляющего массу неприятностей ассистентке, вынужденной надолго застыть без движения в крайне неудобной позе). Она входила и выходила без сучка без задоринки, заверив нас, что готова сидеть скорчившись, сколько потребуется.

Излишне говорить, что Олив Уэнском с честью выдержала и все остальные испытания, по окончании которых я объявил о своем решении и положил ей обычное в таких случаях жалование. За одну неделю мы с ней отрепетировали все номера программы, которые требовали ее участия. Вскоре Джорджина, выйдя замуж, взяла расчет, и Олив стала моей постоянной ассистенткой.

* * *

Как гладко все выходит на бумаге, как бесстрастно и профессионально! Вот я изложил официальную версию, а теперь слово возьму я; согласно нашей Конвенции добавлю к этому, если позволите, пару непреложных истин, которые до сих пор скрывал от своих близких. Еще немного – и Олив сделала бы из меня полного идиота; т. обр., будет только справедливо, если я открою правду.

Разумеется, Джорджина не присутствовала при этих испытаниях. И я тоже. В студии был Томми Элборн, но он, как обычно, держался в сторонке. Мы с Олив сидели наедине у меня в кабинете.

Я спр., есть ли у нее с собою балетное трико, и она отв., что нет. Глядя на меня в упор, она держала красноречивую паузу, пока я соображал, к чему бы это и что у нее на уме. Все претендентки знают, что их будут обмерять и подвергать всяческим проверкам. Никто не приходит на просмотр без трикотажного костюма.

Ну, для Олив закон был не писан. Помолчав, она произнесла:

– Трико – это лишнее, милый мой.

– Но с нами нет дуэньи, дорогуша, – ответил я.

– Вот и славно!

Она проворно сбросила платье и предстала в таком виде, кот-й уместен только в будуаре: ее нижнее белье было весьма нескромным и никак не подходило для работы с аппаратурой. Я подвел ее к «Паланкину», и она, прекрасно зная, что именно от нее требуется и в каком отсеке ей положено спрятаться, попросила меня ее подсадить. Т. е. мне нужно было коснуться руками ее полуобнаж-го тела! Точно то же самое повторилось и при знакомстве с реквизитом для «Ярмарки тщеславия». Более того, выходя из потайной дверцы, она сделала вид, будто споткнулась, и упала прямо ко мне в объятия. Просмотр завершился на оттоманке в дальнем углу мастерской. Томми Элборн деликатно удалился; мы этого даже не заметили. Во всяком случае, потом его там не оказалось.

А в остальном события описаны верно. Я принял ее на работу, и она оч. хор. научилась управляться со всей аппаратурой, которая требовала ее участия.

Глава 9

Мои выступления традиционно открывал фокус с китайскими кольцами. Это несложный номер, исполнять его – одно удовольствие, да и зрителям нравится, даже если они видели его раньше. Кольца сверкают в огнях прожекторов, мелодично позвякивают; руки иллюзиониста совершают ритмичные движения, соединяя и разъединяя цепь; публика смотрит как за гипнотизированная. Этот трюк разгадать невозможно – разве что подойти к артисту на расстояние вытянутой руки и выхватить у него кольца. Такое зрелище неизменно завораживает, электризует зал, создает ощущение тайны и чуда.

После этого я выкатываю вперед ящик-модерн, который дожидался своей очереди в глубине сцены. Приблизительно в метре от рампы я его поворачиваю, чтобы из зала были видны боковые стенки и задняя панель. На глазах у всех я обхожу его кругом – мои ноги все время виднеются между сценой и днищем. Зрители уже убедились, что сзади никто не прячется; теперь они могут удостовериться, что и внизу тоже никого нет. Тогда я демонстрирую всем, что ящик пуст, захожу и отодвигаю засов, чтобы распахнулась задняя панель – ящик просматривается насквозь. Публика видит, как я прохожу туда-обратно и снова запираю заднюю панель. Дверца все время остается открытой; пока я вожусь с задней панелью, зрители вольны разглядывать ящик изнутри. Впрочем, там они не увидят ничего интересного: ящик, как ему и полагается, пуст. Затем я резко захлопываю дверцу, вращаю ящик на роликах и снова распахиваю дверцу. Внутри оказывается сияющая улыбкой девушка в пышном наряде; едва уместаясь в тесном ящике, она шлет публике воздушные поцелуи, выходит на авансцену, кланяется и удаляется под гром оваций.

Я откатываю ящик в сторону, и Томас Элборн без лишнего шума увозит его за кулисы.

Объявляется следующий номер. Он не такой зрелищный, но зато в нем участвуют два-три добровольца из публики. В каждой программе хоть раз да используется колода карт. Фокусник обязан продемонстрировать ловкость рук, иначе собраты по профессии могут объявить, что он только и способен нажимать на кнопки. Я подхожу к рампе; у меня за спиной опускается занавес. Это необходимо, с одной стороны, для создания более доверительной обстановки, которая требуется при показе карточных фокусов, а с другой – для того, чтобы Томас подготовил аппаратуру для «Новой транспортировки человека».

Когда с карточными фокусами покончено, следует нарушить атмосферу сосредоточенности зала; для этого я быстро показываю целую серию захватывающих манипуляций. Флажки, гирлянды, веера, воздушные шары, шелковые платки – все это безостановочно мелькает у меня в руках, извлекается из-под манжет, из карманов и создает вокруг меня яркий, стремительный калейдоскоп.

Между тем у меня за спиной проходит ассистентка; зрителям кажется, будто она собирает гирлянды, а на самом деле я незаметно получаю от нее спрессованные материалы для продолжения номера. Дело кончается тем, что я стою по колено в цветных лоскутах бумаги и шелка. Зал аплодирует; я раскланиваюсь.

Под несмолкающие аплодисменты у меня за спиной поднимается занавес, и за ним в полумраке виднеется аппаратура для «Новой транспортировки человека». Ассистенты, стремительно появившиеся из-за кулис, ловко подбирают цветные лоскуты.

Выйдя на авансцену, я заговариваю с публикой, прибегая к своему коронному французскому акценту. Я объясняю, что следующий номер сделан возможным только благодаря открытию электричества. Иллюзион черпает энергию из недр Земли; на него работают невообразимые силы, которые мне и самому не до конца понятны. Я сообщаю зрителям, что у них на глазах свершится настоящее чудо, в котором у жизни и смерти шансы равны – как бывало в истории, когда мои предки бросали жребий, чтобы решить, кому отправляться на гильотину.

В ходе этого монолога сценическое освещение делается все ярче, огни рампы отражаются в начищенных до блеска металлических опорах, в золотистых витках проводов, в сверкающих стеклянных сферах. Аппаратура – это воплощенная красота, но красота тревожная, ибо в наши дни всем известны опасности, которые таит в себе электричество. В газетах не раз описывались страшные ожоги, а то и смертельные случаи, вызванные этой невиданной силой, которая уже прижилась в больших городах.

Декорации сконструированы таким образом, чтобы еще раз напомнить об этих ужасах. Они светятся множеством мерцающих лампочек, которые поочередно вспыхивают во время монолога. Сбоку закреплен огромный стеклянный шар, внутри которого потрескивает и брызжет искрами электрическая дуга. Из зала кажется, что самое главное в этом нагромождении – длинная деревянная скамья, поднятая на три фута над сценой. Пространство сзади, по бокам и снизу хорошо просматривается. На одном краю сцены, возле шара с электрической дугой, имеется небольшой помост, грозно ошестинившийся голыми проводами. Над ним красуется расцвеченный огнями балдахин. На другом краю, в удалении от зала, блестит металлический конус, обвитый спиралью мерцающих огоньков. Он крепится на шарнирах, что позволяет ему вращаться в разных плоскостях. Вокруг скамьи, на стеллажах и в нишах, затаились оголенные клеммы. От этого устройства исходит гул, который наводит на мысль о колоссальной энергии, таящейся внутри.

Я сообщаю зрителям, что с радостью пригласил бы кого-нибудь из них на сцену для осмотра аппаратуры, не будь это сопряжено с огромным риском для жизни. Даю понять, что прежде имели место трагические случаи. Во избежание этого, говорю я, мне пришлось изобрести пару безобидных способов продемонстрировать мощность этого аппарата. Я сыплю щепотку магния на оголенные контакты, и зрителей в первых рядах на мгновение ослепляет ярчайшая белая вспышка! К потолку поднимаются клубы дыма, а я тем временем беру лист бумаги и опускаю его на полускрытую часть аппарата; бумагу тут же охватывает пламя, и дым от нее также устремляется вверх, к колосникам. Гул нарастает. Создается впечатление, что аппарат, словно живое существо, едва сдерживает грозные потаенные силы.

Из левой кулисы появляется моя ассистентка, толкающая перед собой ящик на колесах. Он сколочен из толстых досок, но легко поворачивается вокруг своей оси. Передняя дверца и боковые стенки распахиваются, и все видят, что внутри пусто.

Сделав скорбную мину, я подаю знак ассистентке; она выносит пару огромных коричневых перчаток, которые не отличить от кожаных. Я сую в них руки, девушка подводит меня к помосту и ставит так, чтобы я оказался позади него. Из зала хорошо виден мой торс; все убеждаются, что поблизости нет ни зеркала, ни ширмы. Мои руки в перчатках опускаются на помост, гул становится еще громче, а потом вспыхивает яркий электрический разряд. Я отшатываюсь, будто до смерти напуган.

Ассистентка в ужасе пятится назад. Прерывая свой монолог, я прошу ее в целях безопасности удалиться со сцены. Для виду она упрямится, но потом с явным облегчением убегает за кулисы.

Я приближаюсь к металлическому конусу, берусь за него руками в перчатках и с величайшей осторожностью поворачиваю верхушкой прямо в направлении ящика.

Близится кульминационный момент. Из оркестровой ямы звучит барабанная дробь. Я еще раз опускаю ладони на помост, и от моего прикосновения чудесным образом вспыхивают те лампы, которые дотопле ждали своего часа. Зловещий гул усиливается. Тогда я присаживаюсь на край помоста, поворачиваюсь боком, отрываю ноги от пола и наконец медленно растягиваюсь во весь рост посреди зримого неистовства электрических сил.

Подняв кверху сначала одну руку, затем другую, я плавно стягиваю перчатки. Потом руки опускаются вдоль туловища и свешиваются по бокам помоста. С той стороны, которая обращена к зрительному залу, пальцы словно невзначай попадают в углубление, где только что

воспламенилась бумага. Вспыхивает слепящий свет, и тут же все огни вокруг моего помоста гаснут.

В этот миг... я исчезаю.

Тотчас распахиваются дверцы ящика – и за ними обнаруживается ваш покорный слуга, скрючившийся в три погибели.

Я неловко вываливаюсь из открытого ящика прямо на планшет сцены. Под лучами прожекторов мало-помалу прихожу в себя. Встаю, жмурясь от слепящих огней. Смотрю в зрительный зал. Поворачиваюсь к помосту, жестом напоминая публике, где только что находился. Поворачиваюсь к ящику, оставшемуся у меня за спиной, и жестом напоминая публике, откуда появился.

Раскланиваюсь.

У всех на виду свершилось невероятное. Сила электричества перенесла меня из одного конца сцены в другой. Десять футов сквозь пустоту. А то бывает футов двадцать или даже тридцать – в зависимости от размеров сцены.

Это и есть транспортировка человека. Чудо, непостижимость, иллюзия.

На сцене вновь появляется ассистентка. Опираясь на ее руку, я улыбаюсь и снова раскланиваюсь. Занавес опускается под бурю оваций.

* * *

Если ничего более я не скажу, все это будет приемлемо. Я больше вмешиваться не стану. А я могу спокойно рассказывать дальше, до самого конца.

Глава 10

Снятая мною квартира в Хорнси (это в северной части Лондона, на расстоянии нескольких миль от Сент-Джонс-Вуд) оставляла желать много лучшего. Я выбрал ее лишь потому, что этот заурядный доходный дом середины нынешнего века располагался в тихом безвестном переулке, и это меня вполне устраивало. Моя квартира была угловой и выходила окнами в небольшой дворик; с общей лестницы в нее вела неприметная дверь третьего этажа.

Не успел я там обосноваться, как пожалел о своем решении. Почти все квартиры (в общей сложности их насчитывалось десять) занимали люди скромного достатка, жившие сообразно своим доходам; у всех были дети; вдобавок по дому то и дело шныряла какая-то прислуга. Мое холостяцкое существование, да еще в такой просторной квартире, возбуждало всеобщее любопытство. Как я ни старался держаться особняком, какие-то соприкосновения были неизбежны, и вскоре я почувствовал, что сделался предметом досужих толков. Поначалу я даже собирался съехать, но успокаивал себя тем, что нашел пристанище для отдыха между выступлениями; да и кто бы мог поручиться, что в другом месте сплетницы оставят меня в покое? Соблюдая вежливый нейтралитет, я приходил и уходил без лишнего шума, чтобы избежать ненужных встреч, но вместе с тем не прятаться от соседей. Они же, по-видимому, вскоре утратили ко мне интерес. Англичане всегда проявляли терпимость к разного рода чудакам, поэтому мои возвращения за полночь, уединенный образ жизни, отсутствие слуг и тайные источники доходов не внушали опасения квартирантам, а потом и вовсе перестали их занимать.

Впрочем, здесь мне еще долго жилось крайне неудобно. Квартира сдавалась без мебели; на первых порах я смог приобрести лишь кое-что из дешевых мелочей, ибо все мои заработки уходили на содержание нашего семейного дома в Сент-Джонс-Вуд. Для обогрева мне служила дровяная печь; поленья приходилось таскать со двора. От топки веяло нестерпимым жаром, однако чуть поодаль никакого тепла не ощущалось вовсе. Ковры если и были, то лучше о них не вспоминать.

Но все же эта квартира служила мне прибежищем, и, бывало, подолгу; волей-неволей нужно было думать о создании хоть какого-то комфорта и сносных условий для отдыха.

Бытовые неудобства, конечно же, отступали по мере того, как росли мои заработки, что позволило обзавестись предметами первой необходимости; но меня по-прежнему угнетало бремя одиночества и разлуки с родными. Ни тогда, ни теперь никто еще не придумал лекарства от тоски. На первых порах, когда вдали от меня оставалась только Сара, я и то не находил себе места, а уж после рождения двойняшек, Грэма и Эллены, меня просто снедала тревога, особенно когда кто-нибудь из малышей болел. Я убеждал себя, что моя семья хорошо обеспечена и окружена заботой, что слуги добросовестны и надежны, что в случае болезни мы сможем позволить себе услуги лучших врачей, но это было мне слабым утешением, хотя и придавало некоторую долю уверенности.

Когда я еще только обдумывал «Новое чудо транспортировки» и его современную версию, а также свою артистическую карьеру в целом, мне и в голову не приходило, что семейная жизнь может поставить под угрозу все остальное.

Желание бросить эстраду, никогда больше не исполнять этот номер и вообще отказаться от сценической магии посещало меня не раз и не два, причем именно в такие минуты, когда семейный долг, привязанность к милой жене и горячая любовь к детям ощущались наиболее остро.

Бесконечно тоскливые дни, проведенные в этой квартире, а иногда и целые недели театрального межсезонья оставляли мне предостаточно времени для размышлений.

Самое главное – это меня не сломило.

Я выдержал трудности первых лет. Выдержал бремя славы и богатства. Держусь по сей день, хотя от моего знаменитого иллюзиона только и осталось, что неразгаданная тайна.

Впрочем, теперь стало гораздо легче. Приняв на работу Олив Уэнском, я через пару недель случайно узнал, что она снимает комнату в какой-то заштатной привокзальной гостинице – адрес более чем сомнительный. Когда я призвал ее к ответу, она объяснила, что бывший работодатель из Гемпшира обеспечивал ей жилье, которое, естественно, пришлось освободить по расторжении контракта. К этому времени мы с Олив уже привычно пользовались оттоманкой в углу мастерской, и до меня дошло, что мне тоже нелишне было бы предложить ей квартиру.

Все решения такого рода диктовались Конвенцией, но в данном случае это было простой формальностью. Олив не замедлила перебраться ко мне в Хорнси. Там она и осталась, там живет и поныне.

До ее признания, которому суждено было изменить всю мою жизнь, оставались считанные недели.

* * *

В конце 1898 года у меня сорвался один ангажемент, поэтому между представлениями «Нового чуда транспортиции» возник недельный перерыв. Я лишь однажды наведалься в мастерскую, а все остальное время провел вместе с Олив в Хорнси, наслаждаясь домашним уютом и чувственными радостями. Мы начали отделять квартиру и купили кое-что из хорошей мебели, благо успешные выступления в престижном мюзик-холле «Иллирия» принесли ощутимый доход.

Накануне окончания этого безоблачного отрезка жизни – через день нас ожидал эстрадный театр «Ипподром» в Брайтоне – Олив сообщила мне убийственную весть. Это произошло поздно ночью, когда мы умиротворенно лежали рядом, готовясь отойти ко сну.

– Послушай, милый, – заговорила она, – я вот о чем думаю: нужно тебе подыскать другую ассистентку.

У меня отнялся язык. До той минуты мне казалось, что жизнь наконец-то достигла желанного равновесия. Я обзавелся семьей. Обзавелся любовницей. С женою жил в доме, с любовницей – в квартире. Я не мог нарадоваться на детей, обожал жену, пылал страстью к любовнице. Моя жизнь разделилась на две части, которые никоим образом не пересекались; одна сторона не подозревала о существовании другой. Кроме всего прочего, моя возлюбленная работала у меня ассистенткой и была в этой роли совершенно прелестна и обворожительна. Она безупречно справлялась со своими сценическими обязанностями, а благодаря ее эффектной внешности мои представления, несомненно, приобрели еще большую популярность. Я, как говорится, своего не упускал. И вот одна-единственная фраза грозила перечеркнуть все достигнутое, ввергнув меня в бездну отчаяния.

Заметив мое состояние, Олив сказала:

– Мне давно пора снять камень с души. Но дело не так плохо, как тебе кажется.

– Думаю, хуже некуда.

– Ну, если ты услышишь только первую половину, то согласишься, что бывает и хуже, а если наберешься терпения и выслушаешь меня до конца, тебе сразу станет легче.

Вглядевшись в ее лицо, я упрекнул себя за невнимательность: Олив выглядела странно взволнованной. Дело явно принимало серьезный оборот.

Ее рассказ обрушился на меня лавиной и очень скоро подтвердил мои наихудшие опасения. От услышанного я похолодел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.